

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№1 · 2009

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

1-2009

Издается с марта 1999 г.
Периодичность – 4 номера в год

Свидетельство о регистрации
№Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением
по СМИ

Учредитель:
Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:
350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н
Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:
350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный
университет

Статьи для публикации
принимаются
по электронному адресу:
chsu1999@yandex.ru

Дизайн обложки:
С.Г.Ажгихин, М.Н.Марченко
Оригинал-макет:
Д.А.Хрипков

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического
центра Кубанского государственного
университета
Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Подписано в печать 27.03.2009
Уч.-изд. л. 8,8. Усл. печ. л. 8,58
Тираж 1000 экз. Заказ № ??

Главный редактор:

Е.В.Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т. А., д-р филос.н., проф. (МГИМО(У));
Арутюнян Л. А., д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ);
Бабешко В.А., д-р физ.-мат.н., проф., академик РАН
(Кубанский ГУ); **Бедерханова В. П.**, д-р пед. н., проф.
(Кубанский ГУ); **Бодалев А. А.**, д-р психол.н., проф.,
академик РАО; **Деллер С.**, PhD, проф. (университет
Висконсин-Мэдисон, США); **Жаде З. А.**, д-р полит.н.,
проф. (Адыгейский ГУ); **Зинченко Ю. П.**, д-р
психол. н., проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова);
Знаков В. В., д-р психол. н., проф. (Институт пси-
хологии РАН); **Иванов А. Г.**, д-р ист.н., проф.
(Кубанский ГУ); **Кузьмина Н. В.**, д-р психол.н., проф.
(РАО); **Латфуллин Г. Р.**, д-р экон.н., проф. (Гос. ун-т
управления); **Марьин М.И.**, д-р психол. н., проф. (МВД
РФ); **Никовская Л.И.**, д-р социол.н., проф. (Институт
социологии РАН); **Романова А. П.**, д-р филос.н., проф.
(Астраханский ГУ); **Рябикина З. И.**, д-р психол. н., проф.
(Кубанский ГУ); **Сморгунов Л. В.**, д-р филос.н., проф.
(СПбГУ); **Фадеева Л.А.**, д-р ист.н., проф. (Пермский ГУ);
Шабров О.Ф., д-р полит.н., проф. (РАГС); **Шпак В. Ю.**,
д-р филос.н., проф. (Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т. Т., д-р экон.н., проф. (зам гл. редактора);
Белоконь Т.М., канд. филол. наук, доц.; **Дёмин А. Н.**, д-р
психол.н., проф. (зам. гл. редактора); **Ермоленко В. В.**,
канд. тех.н., доц.; **Ждановский А. М.**, канд. ист.н.,
проф.; **Кимберг А. Н.**, канд.психол.н., доц.; **Кольба А. И.**,
канд. полит.н., доц. (зам. гл. редактора); **Курбатова Г. С.**,
отв. секретарь; **Лаврова Т. Г.**, канд.эконом.н., доц.;
Лузаков А. А., д-р психол. н., доц.; **Малиночка Э. Г.**, д-р
пед. наук, проф.; **Мясникова Т. А.**, канд. экон.н., доц.;
Оберемко О. А., канд. социол.н., доц.; **Ожигова Л. Н.**,
д-р психол. н., проф.; **Остапенко А. Н.**, д-р пед.н., проф.;
Савва Е. В., канд. филос. н., доц.; **Филиппов Ю.В.**, канд.
эконом. н., проф.; **Фоменко Г.В.**, д-р психол.н., проф.;
Юрченко В. М., д-р филос. н., проф. (зам. гл. редактора)

1-2009

Содержание

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Марьяненко Д.А. Факторы кросситуативной устойчивости самооценки личности..... 4

Омельченко Н.В. Психология восприятия и оценивания компьютерных игр разных жанров: исследование личностных конструкторов..... 10

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Ясько Б.А. Некоторые аспекты формирования индивидуального стиля деятельности врача..... 21

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Коваленко С.А. Контрактное обучение как фактор мотивации к успешной учёбе. 30

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Меньшиков В.В. Прогнозирование властных процессов: методологический аспект..... 38

Новоселов С.В. Национальная безопасность: научный аспект..... 51

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Насимова Г.О. Основные факторы и причины возникновения конфликтов в Казахстане..... 59

Дмитрук С.В. Порядок занятия высшего поста в системе исполнительной власти: институциональный аспект..... 67

Соколова Т.С. Политика регулирования иммиграционных потоков и интеграции иммигрантов в ведущих европейских странах..... 78

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Кимберг А.Н. Диссертационные исследования по психологическим наукам, защищённые в Кубанском государственном университете в 2008 году..... 92

АННОТАЦИИ 96

SUMMARY 98

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 102

ФАКТОРЫ КРОССИТУАТИВНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ САМООЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ

.....

Д.А. Марьяненко¹

Ключевые слова: самооценка, устойчивость самооценки, динамика самооценки, Я-концепция, Я-образ. **Keywords:** self-esteem, self-sustainability, the dynamics of self-esteem, self-concept, self-image

Проблема устойчивости/изменчивости личностных характеристик давно волнует психологов. В настоящее время все более популярны модели личностно-ситуационного взаимодействия (У. Мишел, Н. Эндлер, Д. Магнуссон и др.), представители которых поведение считают функцией непрерывного процесса взаимодействия личности и ситуации [2]. Различные личностные и ситуационные факторы в совокупности создают контекст исследования, учет которого позволяет сделать познание более объективным и многогранным.

Самооценка одновременно выступает как компонент самосознания и как важнейшее личностное образование [1; 4]. Самооценка задействована во всех сферах жизнедеятельности человека. Регулятивные функции самооценки подразделяются на оценочные, контрольные, стимулирующие, блокирующие, защитные. Зачастую успешность деятельности человека зависит от его представлений о своих способностях не меньше, чем от самих способностей. В некоторых странах, в частности в США, выделяются бюджетные средства на финансирование социальных программ, направленных на повышение уровня самооценки у своих граждан (см. [11]). Однако в научной литературе до сих пор нет однозначной трактовки этого понятия, что вызывает определенные сложности при изучении самооценки.

Обычно слово «самооценка» ассоциируется с оцениванием человеком себя по какому-либо отдельному свойству или способности либо с оцениванием своего потенциала и характеристик в целом. Сложности появляются тогда когда необходимо сопоставить понятия «самооценка», «Я-концепция», «Образ-Я», «самоотношение» и др. Нам близок подход тех авторов, которые рассматривают самооцен-

---

¹ Марьяненко Дарья Александровна – канд. психол. наук, преподаватель кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: krasnodaria@mail.ru

ку в единстве когнитивного и аффективного компонентов, отражающем знания субъекта о себе и отношении к себе (Р. Бернс, А.В. Захарова, В.И. Слободчиков, И.Е. Исаев и др.). При исследовании самооценки принято выделять следующие особенности: общий уровень (высота), уровень по отдельным составляющим (рефлексируемым чертам личности), адекватность/неадекватность (завышенная или заниженная самооценка), дифференцированность, конфликтность/бесконфликтность, степень осознанности, гибкость/устойчивость.

В своих работах Л.И. Божович дает феноменологическое объяснение устойчивости самооценки личности [5]. С ее точки зрения, данная характеристика предполагает равноудаление от двух полярных ее значений: 1) сверхгибкости, неустойчивости, зависимости от ситуации, частного успеха или неуспеха, оценок других и 2) ригидности, неподвижности, жесткости.

Дж. Нессельроде, изучая изменчивость психологических характеристик, описал два ее вида: интраиндивидуальную вариативность и интраиндивидуальную изменчивость (см. [3]). Интраиндивидуальные изменения происходят относительно медленно и являются результатом развития, обучения, изменения в физических или психологических статусах человека (например, мозговой травмы; брака, развода) и т.д. Колебания психологических особенностей одного и того же человека, наблюдаемые на коротких временных отрезках и являющиеся обратимыми, называются интраиндивидуальной вариативностью. О.Н. Молчанова, рассматривая проблему стабильности/изменчивости самооценки, констатирует, что «изменения в самооценке могут быть... краткосрочными (временное повышение или понижение самооценки в ответ на определенные события или социальный контекст), при этом долгосрочных изменений в самоуважении может и не наблюдаться, либо долгосрочными, проявляющимися в медленном, постепенном изменении индивидуального уровня самоуважения» [11, с. 28]. Интерес представляет тот факт, что глобальное самоуважение, достаточно устойчиво, но может быть завуалировано неустойчивыми, множественными частными самооценками.

В работах Е.В. Зинько дается обзор ряда экспериментальных исследований, посвященных изучению устойчивости самооценки [5; 6]. Среди факторов, влияющих на устойчивость самооценки личности, рассмотрены: сложность выполняемого задания (И.А. Симоненко), значение неуспеха (Н.А. Гульянова), ориентация на оценку окружающих (Е.И. Савонько), мотивационный конфликт и когнитивная недифференцированность индивида (Е.Т. Соколова, Е.О. Федотова).

И.А. Симоненко обнаружено, что в условиях выполнения простого задания устойчивость самооценки выше, чем при выполнении сложного; уровень стабильности ретроспективной самооценки выше, чем прогностической. Н.А. Гульянова отмечает, что значимый неуспех существенно снижает устойчивость Я-образа, но у субъектов с высоким самопринятием при неуспехе сохраняется общая целостность Я-образа. Таким образом, временные изменения самооценки, вызванные действием ситуативных факторов, находятся в зависимости от уровня самооцен-

ки личности. А уровень самооценки личности в свою очередь во многом обусловлена механизмом формирования и поддержания самооценки.

Подтверждение указанным выводам мы встречаем в зарубежных исследованиях [6; 11]. Лица с высокой самооценкой склонны либо компенсировать угрозу одному измерению самооценки через подкрепление других (например, «пусть у меня не получается это задание, но я красив, у меня хорошие друзья, я прекрасно играю на гитаре»), либо приписывать причины неуспеха внешним обстоятельствам. Лица же «с низкой самооценкой не столь пластичны и не могут распространить успех на другие области, но, так как внутренняя атрибуция у них направлена на неуспех, они переносят снижение самооценки в одной сфере на другие» [6, с. 24–25].

В.Ф. Сафин описал механизмы сохранения относительно устойчивой самооценки за счет: а) работы модели: «Я не хуже и не лучше других»; б) сочетания неадекватно высоких и адекватно низких позиций (модель: «Я хуже в этом, зато лучше в том»); в) переноса (генерализации) высокой адекватной самооценки результатов в одном виде деятельности в другие сферы («Если могу это, смогу и это»); г) неадекватного занижения оценки окружающих до уровня собственной самооценки («Они не лучше меня») [5].

Е.Т. Соколова, Е.О. Федотова указывают на связь устойчивости самооценки личности с когнитивной дифференцированностью: изменения одного аспекта Я-образа при низкой дифференцированности могут повлечь трансформацию других аспектов представления о себе [13]. Зарубежные исследователи установили следующую закономерность: испытуемые с высокой самооценкой делают обобщающие выводы относительно собственной личности после достижения позитивных результатов, а субъекты с низкой самооценкой склонны отождествлять достигнутые результаты с общим уровнем своих возможностей после неуспешно выполненных заданий [6].

Многие исследователи подчеркивают большое практическое значение исследования параметра устойчивости самооценки. Так, М. Кернис, Б. Греннермен, Л. Матис и др. показали, что устойчивость самооценки может служить фактором диагностики эндогенной депрессии, особенно в детском возрасте: чем стабильнее самооценка, тем меньше склонность к депрессивным состояниям и вероятность того, что у ребенка имеется скрытая форма депрессии [5; 6].

О.Н. Молчанова в своем исследовании экспериментально показала, что при изучении стабильности/изменчивости самооценки обязательно необходимо учитывать механизмы самооценивания, «смена которых ведет к кратковременным или долговременным изменениям самооценки, при этом существенным является, проводит ли человек самооценивание через сравнение со “сходными” или “несходными” другими, оценивает себя по прошлому или настоящему, ориентируется на “хочу”, “могу” или “есть”, на собственные достижения или чужие оценки» [11, с. 48]. О.Н. Молчанова к главным факторам, определяющим динамику самоо-

ценки, относит тип семейных отношений, соматический статус, возраст и социальный контекст. При этом, «во-первых, эти факторы действуют не изолированно, а совместно, взаимодополняя друг друга, а во-вторых, решающим остается сам субъект, через внутреннюю жизнь и индивидуальный опыт которого эти факторы преломляются, а с какого-то момента он сам способен их “преломлять”» [11, с. 48].

Несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию устойчивости самооценки, связь данного параметра самооценки с чертами личности изучена недостаточно. Перефразируя слова И. Кона о стабильности/изменчивости личностных черт, следует сказать, что разной степенью изменчивости отличается не только самооценка, но и сами индивиды [8]. Поэтому правильнее ставить вопрос о том, у каких людей самооценка изменяется, у каких – нет и почему, а не меняется ли самооценка вообще.

Актуальность изучения проблемы интраиндивидуальных связей между ценностными ориентациями, характерологическими чертами и особенностями самооценки личности рассмотрена нами ранее [9].

Целью нашего эмпирического исследования стало выявление связей между чертами личности и гибкостью/устойчивостью самооценки. Гибкость самооценки изучалась под влиянием ситуативных факторов (изменений в инструкции воображаемой ситуации самооценивания). В своем исследовании мы попытались учесть личностные и ситуационные детерминанты устойчивости самооценки личности [10]. В исследовании приняли участие 212 студентов I–III курсов гуманитарных и естественных специальностей, из них 114 девушек и 98 юношей в возрасте от 18 лет до 21 года. Респондентам предлагалось описать себя в разных ситуациях, например, отдых, болезнь, ситуация конфликта с родителями и т.д. Всего предъявлялось семь объектов для оценки, например: «Я на отдыхе», «Я во время болезни» и т.п. Оказалось возможным увидеть сдвиги координат объектов при сравнении их положения в семантическом пространстве «Оценка, Сила, Активность» для разных ситуаций самооценивания. С использованием индекса семантической дистанции между объектами, предложенного Ч. Осгудом, определялся показатель ситуативной гибкости/устойчивости самооценки отдельно для нескольких пар ситуаций, контрастных по психологическому содержанию, например, для объектов «Я во время болезни» и «Я на отдыхе». Затем вычислялся усредненный интегральный показатель ситуативной гибкости актуальной самооценки, изучались линейные корреляционные связи между этим показателем и чертами личности.

Интегральный показатель гибкости/устойчивости самооценки выступал в качестве независимой переменной и основания для разделения испытуемых на три группы – с низкими, средними и высокими значениями переменной. В этих трёх группах сравнивались показатели личностных черт (тест NEO-PI-R) и ценностных предпочтений (методика Ш. Шварца). Использовался алгоритм однофакторного дисперсионного анализа, реализованный в программе для статистической обработки данных Statistica v.6.0 (One-way ANOVA).

Субъекты со средними показателями гибкости самооценки оказались похожими на субъектов с высокой гибкостью самооценки, а вместе они отличаются от тех, у кого самооценка очень устойчива (т.е. обладала низкой гибкостью).

Было обнаружено, что кросситуативная устойчивость (низкая гибкость) самооценки больше свойственна людям эмоционально стабильным, отличающимся более выраженной готовностью к сотрудничеству, добросовестностью, ориентированным на ценности универсализма, доброты, традиций.

По интегральному показателю гибкости самооценки были обнаружены статистически значимые межполовые различия. Более высокую ситуативную гибкость самооценки показали девушки ($p \leq 0,001$). Это подтверждает данные о том, что женщины легче поддаются влиянию и более эмпатичны, чем мужчины [7].

В рамках дипломной работы О.В. Коплик, выполненной под руководством автора, исследовалась изменчивость самооценки девушек (48 человек в возрасте от 20 до 24 лет). В ходе исследования были выявлены значимые для респондентов социальные роли: «студентка, «подруга» и «дочь», рассмотрены особенности самооценки в данных социальных ролях. Показано, что социальные роли влияют на самооценку личности: изменения в инструкции, направленные на актуализацию определенной социальной роли, влекут за собой изменения в самооценке по факторам семантического пространства: Оценка, Сила, Активность. Для всей выборки был вычислен усредненный интегральный показатель межролевой изменчивости самооценки. Затем были выделены группы с высокой и низкой межролевой изменчивостью самооценки, в этих группах сравнивались показатели личностных черт: уровень рефлексивности (методика определения индивидуальной меры рефлексивности А.В. Карпова и В.В. Пономаревой), направленность личности (методика диагностики направленности личности В. Смекала и М. Кучера).

В сравниваемых группах были выявлены различия только по доминирующей направленности личности. Оказалось, что в группе с высокой межролевой изменчивостью самооценки преобладает личностная направленность (на себя), а субъекты с высокой устойчивостью самооценки ориентированы на взаимодействие. Статистическая значимость различий по этим параметрам проверялась с помощью критерия U Манна-Уитни ($p < 0,01$). Таким образом, девушки, характеризующиеся преобладанием мотивов собственного благополучия, стремлением к личному первенству, престижу, заботящиеся только о своих потребностях, склонны оценивать себя более дифференцированно в разных социальных ролях, чем девушки с выраженной коллективистской направленностью, поступки которых определяются потребностью в общении, стремлением поддерживать хорошие отношения с другими людьми.

Исходя из теоретических моделей П. Бергера, К. Роджерса о становлении и поддержании самоидентичности, мы предполагаем, что круг общения девушек с доминирующей направленностью на взаимодействие поддерживает их представление о самих себе. Так, К. Роджерс указывал на то, что «сформировавшись од-

нажды, Я-концепция борется не только за самосохранение, но и за усиление себя. Усилиться же она может, только развиваясь и совершенствуясь. В развитии, в перестройке схемы Я и состоит сущность самоактуализации личности. Для этого, согласно Роджерсу, требуется “всего лишь” безусловно положительное отношение к Я индивида и поддержка его со стороны окружающих» (цит. по: [12, с. 60]).

Таким образом, при исследовании влияния социального контекста на динамику самооценки было выявлено, что изменения в инструкции, направленные на формирование определенного эмоционального состояния или на актуализацию определенной социальной роли, влекут за собой изменения по тем или иным составляющим образа Я. Кросситуативная и межролевая устойчивость самооценки связана с характерологическими чертами личности, её ценностями и направленностью.

Библиографический список

1. *Бороздина Л.В.* Что такое самооценка? // Психологический журнал. 1992. Т. 12, №4.
2. *Бурлачук Л.Ф., Михайлова Н.Б.* К психологической теории ситуации // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 1.
3. *Егорова М.С.* Психология индивидуальных различий. М.: Планета детей, 1997.
4. *Захарова А.В.* Структурно-динамическая модель самооценки // Вопросы психологии. 1989. № 1.
5. *Зинько Е.В.* Особенности устойчивой и неустойчивой самооценки // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. 2005. № 3.
6. *Зинько Е.В.* Соотношение характеристик самооценки и уровня притязаний. Ч. 1: Самооценка и ее параметры // Психологический журнал. 2006. Т. 37, № 3.
7. *Капрара Дж., Сервон Д.* Психология личности. СПб.: Питер, 2003.
8. *Кон И.С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
9. *Лузаков А.А., Марьяненко Д.А.* Ценностно-мотивационные характеристики личности и ее самооценка: проблема взаимообуславливания // Социокультурные проблемы современной молодежи: материалы II Междунар. науч.-практич. конф. / под науч. ред. Н.Я. Большуновой, О.А. Шамшиковой. Новосибирск: ИНГПУ, 2007. Ч. 1.
10. *Марьяненко Д.А.* Черты личности и особенности актуальной самооценки: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.
11. *Молчанова О.Н.* Самооценка: стабильность или изменчивость? // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, № 2.
12. *Семечкин Н.И.* Психология социального влияния. СПб.: Речь, 2004.
13. *Соколова Е.Т., Федотова Е.О.* Влияние мотивационного конфликта и когнитивной недифференцированности на устойчивость самооценки // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1986. № 1.

ПСИХОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ И ОЦЕНИВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР РАЗНЫХ ЖАНРОВ: ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ КОНСТРУКТОВ

.....

Н.В. Омельченко¹

Ключевые слова: компьютерные игры, конструкт, субъективная категоризация.
Keywords: computer games, construct, subjective categorization.

Компьютерные игры на сегодняшний день являются одним из самых специфических продуктов человеческой культуры. С их появлением связано возникновение феномена виртуальной реальности. Любая компьютерная игра имеет собственные правила и свойства игрового пространства, свою историю и свой ход времени, философию и даже мораль. С момента начала игры играющий шаг за шагом познает это виртуальное пространство, для него игра представляется живым динамичным миром. Правомерно предположить, что играющие формируют свои субъективные картины виртуального игрового мира. Исследовать их представляется актуальным как в личностно-психологическом аспекте (это ценный материал для анализа психологических черт и проблем личности), так и в аспекте социально-психологическом (социальные представления больших групп и тенденции общественного сознания).

Виртуальная реальность имеет своё пространство: территориальное (континенты, страны, города, здания), временное (эпохи, различные исторические события из реальности); свои ресурсы (экономические, технические, административные); свои физические законы (земное притяжение или его отсутствие, телепортация, перемещение во времени и т.д.). Наличие огромного разнообразия компьютерных игр обеспечило богатую палитру виртуальных миров. Все они объединяются в определенные классы. Так, игры можно классифицировать по их тематическому содержанию: военные, экономические, социальные и пр. Но больший интерес для психолога представляет жанровая классификация компьютерных игр: шутеры, ролевые компьютерные игры, стратегии, квесты, симуляторы, спортивные симуляторы, файтинги, настольные игры. Все они раз-

---

¹ Омельченко Наталья Владимировна – преподаватель кафедры управления персоналом и организационной психологии КубГУ. Эл. почта: persorgpsy@manag.kubsu.ru

личаются по своему смысловому содержанию, задачам, которые ставятся перед игроком, и тем, какие именно потребности и возможности субъекта могут быть реализованы в виртуальном мире. Приведем описание каждого жанра.

Шутер (англ. shooter – стрелок) – это игра военной тематики, в ней основной задачей является уничтожение большого количества виртуальных врагов: людей или других существ (монстров). Игровое пространство представляет собой ограниченный лабиринт, в котором располагаются враги и союзники. У игрока есть возможность выбора оружия и способов взаимодействия с врагами, ловушками и транспортными средствами. Игрок может действовать как от первого (видеть изображение как бы «из глаз»), так и от третьего лица (наблюдать своего героя «со стороны»). От игрока же требуется высокая концентрация внимания и скорость реакции.

Ролевая игра (англ. Role-Playing Game – RPG) – компьютерная игра, основанная на элементах игрового процесса традиционных настольных ролевых игр и дающая возможность игроку буквально брать на себя роль своего персонажа. Ролевая игра — это вид драматического действия, участники которого ограничены рамками выбранных ими ролей и руководствуются характером своей роли. В компьютерных ролевых играх вся окружающая обстановка управляется компьютерной программой. Нередко такие игры рассчитаны на одного игрока и имеют предписанный сюжет, развитие которого в определённой степени зависит от решений игрока. Мир ролевой игры может быть полностью придуманным, основываться на каком-нибудь художественном произведении (книге, фильме или пьесе). Достижение цели не обязательно является основной задачей ролевой игры, а в некоторых ролевых играх её вообще нет. Главной задачей может выступать развитие персонажа, выполнение всех заданий или исследование мира. В виртуальном пространстве герой взаимодействует с другими персонажами: ведёт диалоги, занимается торговлей, воюет, получает задания. Игровой герой обладает различными предметами (экипировка, деньги, оружие, артефакты и пр.), может их продавать или менять. Эти вещи могут быть «трофеями», добытыми в бою с врагами, или они просто собираются на дороге, в домах и т.д. За уничтожение монстров либо за выполнение заданий, полученных от других персонажей игры, герой игрока получает вознаграждение в виде опыта и/или ценных предметов. Получение опыта ведёт к развитию персонажа, которое выражается в получении новых качеств и умений или в улучшении уже имеющихся.

Стратегия (англ. strategy) – компьютерная игра, чьим прототипом, возможно, послужили шахматы. Основная цель игры – победить «врагов-конкурентов». Игровое пространство предоставляет играющему возможность управления какими-либо компаниями, государствами и даже мирами и возлагает на него важные миссии: управляющего, военачальника, императора и пр. Первостепенными задачами для играющего выступают: экономическое раз-

витие (сбор ресурсов, таких, например, как лес, золото и т.п., постройка базы и создание войска), управление (на уровне государства, города/армии, предприятия/военного подразделения), военные действия (с целью перехвата доступа противника к ресурсам и/или уничтожения его армии и лагеря).

Квест (англ. quest – поиски, в рыцарских романах – поездка на поиски приключений) – приключенческая игра, основу которой составляют выполнение заданий, иногда опасных, поиски, наблюдения. В ходе игры игроющему приходится оперировать различными предметами, найденными либо полученными от других персонажей игры; пробовать различные возможности применения имеющихся вещей либо искать недостающие и необходимые. Манипуляции проводятся как с отдельными предметами (например, повернуть рычаг, открыть дверь), так и с вещами, находящимися в инвентаре героя, которым управляет игрок. В ходе прохождения по сюжетной линии играющий должен общаться с множеством персонажей, получать от них вещи, разнообразную необходимую информацию, делать какие-либо заметки в своём дневнике.

Симуляторы (англ. simulation) – это игры, имитирующие управление каким-либо транспортным средством или аппаратом. Основной принцип симулятора – точное воспроизведение особенностей какой-то тематической области (например, автосимулятор максимально точно воспроизводит особенности управления автомобилем). Часто критерием оценки такой игры выступает степень сходства «поведения» виртуальной техники и реально существующего прототипа. Примерами игр-симуляторов является имитация управления автомобилями, танками, самолётами, вертолётами, подводными лодками и надводными боевыми судами, поездами, космическими кораблями и т.п.

Спортивные игры, или спортивные симуляторы (англ. sports simulation), основываются на имитации какой-либо спортивной игры, вида спорта, связанного с игровым противоборством команд или отдельных спортсменов. Цель игры, как и в реальности, – победа персонажа или команды. Игровое пространство в зависимости от вида игры имитирует стадион, корт, каток и прочие спортивные сооружения реального мира. Правила компьютерной игры также полностью соответствуют реальным. Наиболее популярные виды игр – футбол, хоккей, баскетбол, теннис, гольф.

Файтинг (англ. fighting – бой, поединок, борьба) – жанр компьютерных игр, имитирующий рукопашный бой малого числа персонажей в пределах ограниченного пространства, называемого ареной. Игрок ведёт бой в режиме «один на один» против компьютерного противника или другого игрока. В начале игры можно выбирать своего персонажа, отличающегося стилем ведения боя, скоростью, силой и возможностью применения различных ударов, бросков и комбинаций.

Аркада (англ. arcade) – путешествие по лабиринтам. Классический вариант игры – это линейное движение игрока в игровом пространстве, обыгранном те-

матически (джунгли, дороги, космос и пр.). Игры данного жанра иногда содержат в себе элементы шутеров и квестов. Задача играющего – собрать все бонусы на каждом уровне, преодолеть разнообразные препятствия, уничтожить всевозможных «врагов». Аркада требует от игрока быстроты действий и скорости реакции. Ему необходимо за максимально короткий срок пройти уровень до конца (т.е. запрограммированного момента окончания игры) и получить максимальное количество очков. Все элементы игры для играющего открываются постепенно, таким образом, игрок не предполагает, что его ждет впереди. В процессе игры играющий переходит от уровня к уровню, каждый из которых отличается сложностью и типами противников. В конце каждого уровня игроку необходимо пройти своеобразный зачет – победить наиболее сильного противника, а в конце игры – «босса».

Настольные игры (англ. board) – компьютерные игры, не требующие от пользователя хорошего владения компьютером и обладающие достаточно простыми правилами, а также яркой привлекательной графикой и минимумом текста. Многие игры ограничивают игрока во времени и имеют бонусную систему. Возможны переходы по уровням разного вида сложности. Основные представители данного вида игр: тетрисы, головоломки, шахматы, пасьянсы и пр. Обычно в играх подобного типа виртуальное игровое пространство ограничивается игровой доской, на которой согласно правилам расположены игровые объекты: фишки, карты, фигуры и пр.

По мере того как разворачиваются события в игре, в сознании игрока выстраивается модель виртуального мира, не только имеющая свою структуру, но и определяющая место самого игрока в ней. Увидеть данную модель глазами играющего можно при реконструкции его собственной системы координат, согласно которой он воспринимает и оценивает виртуальный мир.

Идея использования конструктов для описания картины мира субъекта впервые была отражена в работах Дж. Келли, основателя конструктивистского подхода в психологии. По его теории, личность индивида образована системой его конструктов. Конструкт – используемый субъектом способ дифференциации объектов (в нашем случае – при восприятии виртуального мира компьютерной игры). Человек использует конструкты, чтобы воспринимать, интерпретировать реальность и предвосхищать события. Конструкты субъекта определяют его субъективный мир.

Начиная с 1980-х гг. идеи Дж. Келли о личностных конструктах и Ч. Осгуда о семантических пространствах были развиты отечественными психологами в новой области общей психологии – психосемантике (В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелёв) [5; 8]. Для психосемантики особенно важно понятие «категория». Категории представляют собой сложные комплексные конструкты, которые можно выявить психосемантическими методами (В.Ф. Петренко).

Эти обобщения не всегда осознаваемы и маркированы вербально. Категории задают способы различения субъектом объектов в определенной сфере реальности (например, при восприятии и оценивании виртуальной игровой реальности). Совокупность таких категорий образует категориальную структуру (или систему категорий), позволяющую описать имплицитную модель того или иного фрагмента образа мира субъекта (В.Ф. Петренко, А.А. Лузаков).

Реконструировать субъективные картины виртуального мира компьютерных игр можно через построение частных семантических пространств (частные пространства отличаются от общих, универсальных, например, от пространства «Оценка–Сила–Активность» Ч. Осгуда). Но известно, что при использовании методик типа семантического дифференциала (СД) набор шкал-дескрипторов должен адекватно отражать ту предметную сферу, которую будут оценивать респонденты. В данной публикации представлен этап диссертационного исследования, в ходе которого выявлялись конструкты, значимые при восприятии и оценивании компьютерных игр. Такие конструкты в дальнейшем предполагается использовать в качестве дескрипторов в психосемантических экспериментах, направленных на реконструкцию семантических пространств.

В исследовании, проведенном нами совместно с Р. Хуторянским, студентом 5-го курса, работающим над дипломным проектом, была поставлена задача – изучить первичные конструкты-категории, используемые субъектами при восприятии и оценивании компьютерных игр. Для их выявления выбран метод триад Дж. Келли. Достоинство этого метода в том, что испытуемым не навязываются никакие шкалы-мерки, а они сами называют конструкты.

В роли респондентов выступили студенты КубГУ социогуманитарных специальностей (всего 61 чел.). Из них 44 женщины и 17 мужчин, средний возраст – 20–21 год. Сопоставление респондентами различных видов компьютерных игр (выделенных на основе описанной жанровой классификации) позволило выявить конструкты, через призму которых каждый участник воспринимает игры, а также прояснить специфику конструктов, релевантных для выделенных нами групп респондентов.

На первом этапе исследования проводилось анкетирование на выявление жанровых предпочтений респондентов и особенностей их игрового поведения. По результатам предварительного анкетирования респонденты были поделены на три группы: участники, не имеющие опыта компьютерных игр, – 17 чел., с опытом игры до пяти лет – 22 участника и с опытом игры более пяти лет – 22 чел.

На втором этапе исследования испытуемым предлагался текст-описание типов компьютерных игр в соответствии с их жанровой классификацией (шутеры, ролевые компьютерные игры, стратегии, квесты, симуляторы, спортивные симуляторы, файтинги, настольные игры) и специально смонтированные видеоклипы, в которых в качестве примера демонстрировались фрагменты 2–3 компьютерных игр каждого жанра.

На третьем этапе с помощью метода триадического выбора Келли респондентам предстояло сопоставить разные типы игр, вынести суждения о признаках их сходства и различия и тем самым сформулировать конструкты.

На заключительном этапе исследования был проведен анализ и группирование конструктов, выявленных методом триад. В результате был получен перечень основных конструктов-категорий, используемых респондентами при восприятии и оценивании компьютерных игр.

Всего респонденты сформулировали 125 биполярных конструктов. Было обнаружено, что, формулируя противоположный полюс одного и того же конструкта, респонденты давали неодинаковые ответы. Например, в качестве противоположного полюса конструкта «Активный» одни респонденты предлагали вариант – «Спокойный», другие – «Пассивный», а третьи – «Неактивный». Это подтверждает известный в психосемантике тезис о том, что антонимия часто носит субъективный, а не нормативный характер, что вводит определенные ограничения на использование в современных психосемантических экспериментах биполярных дескрипторов (А.А. Лузаков). В связи с этим мы выделили и униполярные конструкты, общее их число – 207, именно эту категорию конструктов мы рассматриваем в статье.

В табл. 1 представлены основные (встречающиеся более чем в 40 % случаев²) униполярные конструкты, которые были выделены респондентами из исследуемых групп. «Вес» конструкта указывается в процентах от числа респондентов, которые предлагали тот или иной конструкт.

Таблица 1

Основные конструкты, выделенные респондентами из исследуемых групп

Неиграющие респонденты		Начинающие респонденты		Опытные респонденты	
Конструкты	%	Конструкты	%	Конструкты	%
Простой	100	Жестокий	100	Простой	72
Медленный	88	Добрый	100	Сложный	72
Быстрый	88	Сложный	100	Медленный	68
Жестокий	64	Простой	100	Быстрый	68
Заставляет думать	47	Неинтересный	63	Жестокий	63
		Заставляет думать	45,5	Добрый	63
		Развивающий	45,5	Заставляет думать	54,5
				Интересный	45,5
				Командный	42,8
				Захватывающий	42,8

² Остальные конструкты встречаются в единичных случаях, и упоминать о них нецелесообразно.

В табл. 2 показано, какие основные (встречающиеся более чем в 40 % случаев) конструкты предлагали респонденты, когда они оценивали игры различных жанров.

В ходе анализа общегрупповых показателей были выделены универсальные конструкты (релевантные для всех исследуемых нами групп) – «Простой», «Жестокий», «Заставляет думать». В психологическом смысле они являются основными субъективными мерками, категориями, которые респонденты используют при восприятии и оценивании компьютерных игр.

Таблица 2

Конструкты, предложенные респондентами при оценке игр различных жанров

Жанры игр	Неиграющие респонденты		Начинающие респонденты		Опытные респонденты	
	Конструкты	%	Конструкты	%	Конструкты	%
Шутер	Жестокий	91	Жестокий	83	Жестокий	78
	Быстрый	40	Неинтересный	40	Быстрый	40
			Сложный	41	Сложный	30
					Интересный	30
Ролевая	Жестокий	45	Жестокий	30	Захватывающий	86
	Быстрый	40	Сложный	25	Сложный	44
					Интересный	30
Стратегия	Заставляет думать	50	Заставляет думать	70	Заставляет думать	50
	Интересный	50	Сложный	32	Интересная	50
			Развивающий	60	Командный	86
Квест	Простой	24	Заставляет думать	70	Заставляет думать	67
			Сложный	30	Сложный	24
			Добрый	17	Медленный	40
Симулятор	Интересный	24	Интересный	50	Простой	25
Спорт	Добрый	33	Добрый	22	Командный	43
					Быстрый	27
Файтинг	Простой	29	Жестокий	39	Жестокий	50
					Быстрый	60
Аркада	Простой	35	Простой	27	Простой	37
	Быстрый	27	Жестокий	17	Быстрый	33
Настольная	Простой	65	Простой	91	Простой	69
	Медленный	60	Добрый	52	Добрый	36
			Развивающий	50		

Неиграющие респонденты (без стажа игры) всего предложили 39 биполярных конструкторов и 75 униполярных.

В нашем эксперименте неиграющие респонденты впервые узнали, что представляют собой компьютерные игры. Вероятно, это сказалось на том, что они смогли предложить небольшое число конструкторов обобщенного значения. Так, в категорию «Простые» были определены игры настольные, в категорию «Быстрый–Активный» – ролевые и шутеры. Жестокими были определены шутеры. Стратегические игры названы умными и сложными.

Из общего списка были выделены основные униполярные конструкторы-категории (встречающиеся более чем в 40 % случаев): «Простой» (100 %), «Медленный» (88 %), «Быстрый» (88 %), «Жестокий» (64 %), «Заставляет думать» (47 %).

Конструкторы «Простой», «Медленный», «Быстрый», «Жестокий» относятся к коннотативным (эмоционально-оценочным), которые могут использоваться при оценивании объектов из других семантических классов. Выделенные нами коннотативные конструкторы представляют собой слабо дифференцированный и поверхностный взгляд-оценку неиграющих испытуемых на виртуальный мир компьютерных игр.

Респондентами данной группы были выделены и некоторые денотативные (предметные, специфические) конструкторы, которые относятся именно к компьютерным играм: «управление людьми» – «управление машинами», «с сюжетом» – «без сюжета», «занимает мало времени», «от первого лица» и др. Однако их число невелико, и они отражают те аспекты игровых характеристик, которые респонденты смогли уловить при поверхностном знакомстве с компьютерными играми.

Начинающие респонденты (с опытом игры до пяти лет) далее сформулировали 74 биполярных и 133 униполярных конструкторов, что почти вдвое больше, чем в группе испытуемых без опыта игры. Подобные данные находят свое подтверждение в теории. Построение образа внешней реальности – это сначала актуализация той или иной части уже имеющегося образа мира и лишь затем процесс уточнения, исправления, корректировки актуализированной части. Многие исследователи отмечают, что чем больше опыт субъекта в определенной сфере реальности, тем более сложную систему конструкторов он использует при описании объектов из этой сферы [1; 3; 5].

Используемые респондентами конструкторы отличаются по сравнению с конструкторами предыдущей группы. Так, к конструктору «Простой» помимо настольных игр были отнесены и аркады. Действительно, эти игры просты в своем исполнении, имеют линейный сюжет и могут казаться сложными лишь на первый взгляд, что и продемонстрировали участники первой группы. К конструктору «Сложный» попали не одна (как в предыдущем варианте) а несколь-

ко игр: шутеры, стратегии и ролевые игры. Это также объясняется наличием опыта у играющих респондентов, которые более детально знакомы с данными видами игр, с их замысловатыми сюжетами и разнообразием форм. К конструкту «Жестокий» кроме шутеров добавились файтинги. Появился и новый конструкт – «Развивающий», в который были отнесены Стратегии. Возможно, играющие полагают, что эти игры могут развивать логическое мышление, память и способность к анализу, что подтверждено рядом исследований [1, 3].

Из общего списка конструкта, предложенного респондентами из группы «Начинающих», в качестве основных были выделены следующие конструкты: «Жестокий» (100 %), «Добрый» (100 %), «Сложный» (100 %), «Простой» (100 %), «Неинтересный» (63 %), «Заставляет думать» (45,5 %), «Развивающий» (45,5 %).

Количественно набор основных конструктов у игроков с начальным опытом практически не отличается от того же списка у респондентов без опыта игры, однако видны различия содержательного характера. На основе имеющегося игрового опыта респонденты второй группы смогли выделить большое количество специфических признаков (денотативных конструктов): «необходимость развития персонажа», «есть ясная цель», «хочется играть», «используется оружие», «отображаются реальные явления», «игра на победу», «командный», «приносит удовольствие» и пр.

Опытные респонденты (с опытом игры более пяти лет) предложили 78 биполярных и 136 униполярных конструктов. Общее число полученных конструктов почти не отличается от показателей предыдущей группы. Однако при качественном анализе выявилось, что список в основном состоит из денотативных конструктов, указывающих на признаки, специфические именно для компьютерной игры («сложный мир», «чувство причастности к происходящему», «требующая быстроты действий», «нелинейность сюжета», «не командная» и пр.).

В качестве основных были выделены следующие конструкты: «Простой» (72 %), «Сложный» (72 %), «Медленный» (68 %), «Быстрый» (68 %), «Жестокий» (63 %), «Мирный» (63 %), «Заставляет думать» (54,5 %), «Интересный» (45,5 %), «Командный» (42,8 %).

Анализ полученных данных показывает схожесть с результатами в предыдущих группах. Например, к конструкту «Жестокий» по-прежнему относят игры-шутеры, к конструкту «Простые» – настольные игры. Сложные, по мнению респондентов, – стратегии. К конструкту «Быстрый» отнесены шутеры и файтинги. Предположительно, играющие имели в виду быстроту реакции, которая необходима в играх этих жанров, поскольку скорость персонажа напрямую зависит от скорости движения рук игрока, который им управляет. Кроме того, скорость в данном виде игр является определяющей выигрыш. Квесты же респонденты отнесли к конструкту «Медленный», действительно, игры данного жанра требуют обдуманых решений и взвешенных выводов.

Сопоставление показателей респондентов из выделенных нами групп позволяет увидеть следующие различия. Испытуемые без опыта игры чаще всего использовали критерий «быстрый – медленный», показывая, насколько для них важна динамика игры, ее увеличивающийся темп. Испытуемые с игровым опытом чаще всего отмечали критерий «интересный – неинтересный», выражающий личное отношение к объекту оценивания. Респонденты с опытом игры использовали конструкт «Сложный» в отношении жанров шутер, ролевая игра, квест, в то время как неиграющие респонденты при описании этих игр такой критерий не использовали (табл. 2). Квесты испытуемые без опыта игры оценили как простые, а респонденты с опытом – как сложные. На наш взгляд, это объясняется тем, что оценить степень сложности этих игр возможно только с приобретением опыта, которого недостает неиграющим респондентам.

Общее количество конструктов, предложенных респондентами, зависит от их игрового стажа. С ростом опыта число конструктов увеличивается – дифференцированность восприятия и оценки повышается.

Попытка соотнести основные выявленные конструкты (табл. 1) с классическими осгудовскими факторами «Оценка–Сила–Активность» позволяет сделать следующие выводы. Большинство конструктов можно отнести к фактору «Оценка»: «добрый – жестокий», «интересный – неинтересный». Это общее эмоциональное отношение, не указывающее на какие-то конкретные свойства объектов. К фактору «Активность» можно отнести конструкты: «быстрый – медленный», «развивающий». К какому фактору следовало бы отнести конструкт «простой – сложный»? На наш взгляд, в отличие от принятого в универсальном осгудовском СД подхода, данный конструкт можно отнести к фактору «Активность». Чем сложнее уровень игры, тем большую включенность и сосредоточенность должен продемонстрировать играющий.

Эти предположения, а также саму целесообразность использования универсального семантического пространства для описания специфики восприятия и оценивания компьютерных игр можно будет проверить только после проведения полномасштабного психосемантического шкалирования с построением семантических пространств. В основу набора шкал должны быть положены те конструкты, которые получены в ходе обсуждаемого здесь исследования. Это дает возможность реконструировать бытующие в среде компьютерных игроков системы значений и комплексные основания субъективной категоризации (координатные оси семантического пространства), т.е. позволит взглянуть на мир компьютерных игр глазами самих играющих.

Библиографический список

1. Бурлаков И. Психология компьютерных игр // Наука и жизнь. 1999. № 6.
2. Лузаков А.А. Личность как субъект познания: категоризация при восприятии другого человека: Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007.

3. *Омельченко Н.В.* Перспективы изучения личностных особенностей играющих в компьютерные игры // Дружининские чтения: материалы 6-й Всерос. науч.-практ. конф., / под ред. И.Б. Шуванова и др. Сочи: СГУТиКД, 2007. Т. 2.
4. *Петренко В.Ф.* Личность человека – основа его картины мира // Модели мира. М.: Российская Ассоциация искусственного интел-лекта, 1997.
5. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-е изд. доп. СПб. Питер, 2005.
6. *Фомичева Ю.В., Шмелев А.Г., Бурмистров И.В.* Психологические корреляты увлеченности компьютерными играми // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1991. №3.
7. *Шапкин С.А.* Компьютерная игра: новая область психологических исследований // Психологический журнал 1999. Т. 20, № 1.
8. *Шмелев А.Г.* Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М.: Изд-во МГУ, 1983.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧА

.....

Б.А. Ясько¹

Ключевые слова: индивидуальный стиль, профессиональная деятельность, адаптация, компенсация, коррекция. **Keywords:** personal style, professional activities, adaptation, compensation, correction.

Формирование индивидуального стиля профессиональной деятельности (далее – ИСД) связано непосредственно с процессом развития одного из значимых психических регуляторов труда – образа субъекта профессиональной деятельности, профессиональной Я-концепции [8]. По существу речь идет об образах самосознания субъекта труда. Не случайно Е.А. Климов считает развитое самосознание субъекта труда одним из условий «формирования оптимального индивидуального стиля (“своего почерка”) в труде, связанного с максимальным использованием человеком своих сильных сторон и компенсацией недостатков» [8, с. 25].

ИСД – значимый феноменологический аспект процесса развития человека как субъекта труда. Он является предметом многих широко известных в отечественной и зарубежной психологии исследований, получивших по праву статус методологических основ современного психологического знания. Это работы Б.Г. Ананьева [3], К.А. Абульхановой-Славской [2], Л.Г. Дикой [4], Е.П. Ильина [5; 7], Е.А. Климова [9], А.Н. Леонтьева [10], А.К. Марковой [11], В.С. Мерлина [12; 14], К.К. Платонова [13], Б.М. Теплова [16], М.Р. Щукина [17] и др.

В концепции человекознания Б.Г. Ананьева индивидуальный стиль деятельности выполняет роль системообразующего фактора в развитии человека как субъекта деятельности [3]. Взаимодействие ИСД с *направленностью*, выполняющей аналогичную роль на личностном уровне, обеспечивает «содружес-

---

¹ Ясько Бэла Аслановна – доктор психологических наук, профессор кафедры управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: shabela@yandex.ru

тво» всех уровней организации человека, что выражается в единстве его личностных и деятельностных характеристик, достижении *цельности* человека.

Академик Е.А. Климов относит процесс формирования ИСД к высшей стадии развития человека как субъекта труда – стадии развития профессионала. В этот продолжительный период профессионального цикла (от 16–23 лет до пенсионного возраста) происходит дальнейшее вхождение личности в систему «межлюдских отношений в данной профессиональной общности и дальнейшее развитие, формирование всех элементов структуры субъекта деятельности ...» [8, с. 105]. Исследуя структуру ИСД, Е.А. Климов выделяет два существенных ей компонента: «ядро» стиля, включающее качества, базирующиеся на свойствах нервной системы и проявляющиеся непроизвольно или без особых усилий субъекта; «пристройку» к ядру, включающую индивидуальные профессионально важные качества, выработанные личностью в процессе адаптации к объективным требованиям деятельности [9]. Формирование ИСД есть процесс специфического развития двух «ядерных» групп индивидуальных природных особенностей профессионала: благоприятствующих успешности деятельности и противодействующих профессиональной адаптации, блокирующих ее. Соответственно, формирование ИСД есть двуединый процесс, включающий, с одной стороны, развитие положительных индивидуальных возможностей субъекта, а с другой – преодоление, *компенсацию* свойств, негативно влияющих на профессиональное развитие личности.

Процесс формирования ИСД, будучи сущностной стороной *профессиональной адаптации* личности, непосредственно связан с процессом развития самого позднего новообразования в профессиональной сфере человека – *индивидуальности*. В этой связи В.С. Мерлин, Е.А. Климов отмечают, что ИСД есть интегральный результат взаимодействия человека с предметной и социальной средой, а одним из условий его формирования является положительное отношение к деятельности. Определяется же ИСД всеми иерархическими уровнями индивидуальности, причем, под влиянием вышележащих иерархических уровней индивидуальности происходят направленные изменения нижележащих уровней [13].

Исследуя проблему личности как субъекта деятельности, К.А. Абульханова-Славская определяет индивидуальный стиль деятельности как «устойчивые, обобщенные особенности осуществления деятельности данной личностью» [2, с. 309]. Автор полагает, что стиль проявляется в том, «как человек действует всегда». Но есть особенности регуляции и саморегуляции деятельности, которые не охватываются понятием «стиль», но вместе с тем существенно влияют на характер деятельности и её результаты. К ним К.А. Абульханова-Славская относит индивидуальные особенности организации деятельности, и прежде всего способности саморегуляции как субъектного качества личности [2, с. 305]. Такому подходу созвучны взгляды Л.Г. Дикой, в частности, автор

вводит понятие «индивидуальный стиль саморегуляции состояния человека» и исследует методы его системной оценки [4].

В работе А.К. Марковой сделана попытка систематизировать имеющиеся в литературе характеристики стилей деятельности [11, с. 141–142]. Автор представляет их объединёнными в две группы: 1) по соотношению требований деятельности и возможностей человека; 2) по степени преобладания у человека той или иной стороны профессиональной деятельности и профессионального общения. К первой группе отнесены десять разновидностей индивидуальных стилей, результатом формирования которых является профессиональная адаптация субъекта. При этом, опираясь на выводы Е.П. Ильина [6], А.К. Маркова определяет наиболее оптимальным стилем тот, который выбирается «в соответствии со склонностью человека, но в то же время не вступает в противоречие с требованиями деятельности» [11, с. 142]. Вторую группу составляют три вида индивидуальных стилей, различающихся по характеру протекания и соотношения ориентировочного, исполнительного и контрольного компонентов деятельности (*осторожный, импульсивный, рискованный*). К этой же группе отнесены *атакующий, контратакующий и защитный* стили в спорте, а также *рассуждающе-методический* и *эмоционально-импровизационный* стили в педагогической деятельности [11, с. 142].

М.Р. Щукин, исследуя структуру индивидуального стиля трудовой деятельности, обращает внимание на психологические механизмы, обеспечивающие в процессе трудовой деятельности взаимодействие свойств различных иерархических уровней, в первую очередь свойств личностного уровня, социальное происхождение, и свойств нервной системы биологического происхождения [17]. Анализ результатов экспериментальных наблюдений позволяет автору утверждать, что таковыми являются, во-первых, механизмы *адаптации, компенсации и коррекции*, обеспечивающие взаимодействие всей системы трудовых, прежде всего исполнительных и ориентировочных, приёмов. Благодаря активизации этих психических механизмов, обеспечивается достижение высоких результатов труда субъектами, обладающими различными типологически обусловленными особенностями (приёмами) выполнения действий. Вместе с тем типологически обусловленные особенности деятельности, обеспечивающие достижение высокого успеха, активизируют мотивационную сферу и закрепляют эмоционально положительное отношение к ней. Поэтому, расширяя взгляды Е.А. Климова, М.Р. Щукин относит *эмоциональный* фактор к числу значимых психологических механизмов, обеспечивающих взаимодействие между свойствами личности и свойствами нервной системы в процессе управления формированием индивидуального стиля трудовой деятельности [17, с. 29].

В ряде работ мы указывали на своеобразии проявления эмоционального фактора в ИСД врача [22 и др.]. Данный вопрос изучен в психологии слабо, поэтому остановимся на нём подробнее.

Во-первых, эмоциональное состояние – показатель соответствия выполняемых действий, ситуаций деятельности нейродинамическим особенностям субъекта. Поскольку значительной части врачей свойствен слабый и подвижный типы нервной системы [22], активные действия, действия взрывного характера вызывают у представителей этого нейродинамического типа положительное эмоциональное состояние. Работа рутинного характера угнетает, воспринимается как «скучная и непродуктивная». К таковой многие врачи относят, например, ведение медицинской документации, составляющее первый (из восьми основных) вид профессиональной деятельности врача-клинициста.

Во-вторых, в ситуациях напряжения, когда эмоциональное реагирование субъекта приводит к снижению показателей результативности деятельности у лиц со слабым типом нервной системы и к улучшению – у лиц с сильным типом [17, с. 30], в деятельности врача существенных различий не наблюдается, о чем свидетельствуют наши многочисленные наблюдения. Здесь имеет место очевидное взаимодействие механизмов адаптации, компенсации, коррекции с личностными образованиями в виде установки, ценностной ориентации, самоконтроля, ответственности за результаты врачебных действий.

В-третьих, повышенная тревожность, по наблюдениям М.Р. Щукина, характерная для лиц со слабой нервной системой, выступает как фактор, способствующий более развернутому проявлению ориентировочных действий [17, с. 30]. Однако в труде врача имеет место противоположный тип организации и исполнения ориентировочных действий в эмоционально напряженных ситуациях. Ориентировочные действия здесь «свёрнуты», они фиксированы в оперативной профессиональной памяти в виде четких алгоритмов действий оказания врачебной помощи при неотложных состояниях и активизируются мгновенно, независимо от типа нервной системы, которым обладает конкретный специалист. Это субъектное качество есть компонент индивидуального стиля деятельности врача, формирующийся как интегральное индивидуально-личностное свойство в процессе профессиональной адаптации. В таких ситуациях особую роль выполняет интуиция как феномен врачебного мышления. Интуитивное принятие клинического решения в напряженной ситуации деятельности – явление, часто встречающееся во врачебной практике.

В-четвёртых, эмоционально-аффективный тон тех или иных действий служит своеобразным индикатором общего соответствия человека типу деятельности. Если профессиональная деятельность в целом соответствует ценностным и мотивационным компонентам личности, она вызывает позитивные эмоции, что является благоприятным «фоном» профессиональной адаптации, коррекции негативных проявлений свойств нервной системы в данном виде профессионального труда. На развитие ИСД врача существенно влияют специфические механизмы саморегуляции эмоциональных реакций в напряженных, экстремальных ситуациях деятельности. В такие моменты слабый

и подвижный тип нервной системы объективно обуславливает острые эмоциональные переживания у большинства людей. Но врач, обладающий подобным нейродинамическим типом, демонстрирует спокойный и уверенный образ поведения, сформированного в структуре ИСД многолетним корректирующим влиянием волевого усилия, развитого самоконтроля, ответственности за результаты профессиональных действий. В отдельных исследованиях [1, с. 53–54; 11, с. 159], а также нередко на уровне обыденного сознания некоторые особенности поведения врача (немногословие, четкость и схематичность отдаваемых распоряжений, недоброжелательное обращение к пациенту, для которого в ситуациях переживаемого клинического кризиса актуализируются формы поведения, соответствующие детскому эго-состоянию, и складываются специфические защитные механизмы) рассматриваются как проявления профессионально-личностных деформаций. В контексте исследования путей формирования ИСД врача такой вывод, очевидно, требует более существенно-го экспериментального обоснования.

Говоря о специфических аспектах эмоционального фактора как механизма, влияющего на формирование индивидуального стиля деятельности врача, отметим, что особенность эмоционально-аффективного образа объекта врачебной деятельности состоит зачастую в его «неэстетичности», вызывающей у непрофессионала естественное чувство брезгливости, а подчас физического отвращения и даже психоэмоционального шока (обилие крови, физическое увечье и т.п.) При выраженном низком пороге чувствительности нервной системы, свойственной большинству врачей, это чувство актуализируется уже в первый период профессионального образования, что заставляет отдельных студентов медицинского вуза отказываться от продолжения обучения. Формирование индивидуального стиля деятельности требует «включения» механизмов адаптации для снятия барьера брезгливости и формирования позитивного эмоционального образа пациента, независимо от переживаемого им физического состояния. Здесь также велика роль мотивов, осознанной цели и позитивного отношения врача к деятельности, которые в значительной степени могут нейтрализовать типологически обусловленные негативные эмоциональные проявления и адаптировать личность врача к специфическим особенностям образа объекта его труда.

Анализ модели формирования индивидуального стиля деятельности врача требует уточнения обозначенных механизмов, определяющих содержание процесса индивидуализации профессиональной деятельности: адаптации, компенсации и коррекции.

Адаптация рассматривается как применение субъектом в деятельности системы средств и форм взаимодействия с профессиональной средой, наиболее соответствующих его индивидуальным особенностям [11, с. 139].

Компенсация как механизм формирования ИСД состоит в достижении одинаковой продуктивности в деятельности людьми, обладающими разными нейродинамическими свойствами и личностными качествами (прежде всего способностями), путём использования сильных сторон человека, компенсирующих слабые. Компенсаторные механизмы в формировании ИСД могут проявляться в нескольких видах: обеспечении эффективности деятельности путём применения знаний и умений; приспособлении деятельности (способа её осуществления) к человеку; восполнении недостаточности развития одной способности другой (ортогональной); различной выраженности у работников частных способностей, являющихся компонентами сложных способностей, имеющих одинаково высокое развитие. В последнем случае речь идёт уже не о компенсации, а о *компенсаторных отношениях*, которые входят в компенсацию, составляя ее частный случай [7, с. 96–98].

Выделяя социальный и деятельностный план в компенсации, Е.П. Ильин обращает внимание на второй случай, где речь идёт о том, что люди с разными способностями «могут иметь одинаковую эффективность в одном и том же виде деятельности» [7, с. 98]. В этой связи автор, соотнося успешность деятельности, компенсации и компенсаторные отношения, выделяет четыре возможных вида компенсации:

- 1) недостаток способностей компенсируется приобретаемыми знаниями и умениями;
- 2) недостаточно выраженные способности компенсируются за счёт формирования типического стиля деятельности;
- 3) недостаточное развитие одной способности компенсируется другой, более развитой и не связанной с первой способностью;
- 4) недостаточно выраженная одна способность компенсируется другой, сильно выраженной способностью, находящейся с первой в компенсаторных отношениях [7, с. 98].

Коррекция есть преодоление негативных проявлений свойств нервной системы, благодаря чему обеспечивается выполнение трудовых действий человека в оптимальных границах [17, с. 28; 11, с. 140].

В некоторых случаях этапом развития ИСД является формирование у субъекта *псевдостилия*, рассматриваемого как нерациональный индивидуальный стиль [17, с. 28]. Особенности выполнения тех или иных трудовых действий субъектом явно выходят за пределы оптимальных границ, что приводит к низким или односторонним результатам. В процессе профессионализации врача феномен псевдостилия проявляется наиболее часто на этапе вхождения в профессию, когда у формирующегося специалиста только начинают вырабатываться профессионально значимые качества. Псевдостиль здесь может проявляться в торопливости, быстром темпе действий, в недостаточно тщательном

их выполнении и ослабленном контроле, в неоптимальных затратах времени и усилий на запоминание изучаемого материала.

Надо признать, что с точки зрения управления вузовским образованием процесс формирования ИСД будущего врача носит преимущественно стихийный характер, осуществляясь на субъективном, индивидуальном уровне. Для студентов, не сформировавших эффективного индивидуального стиля учебной деятельности, кризис профессионализации приобретает перманентный характер и нередко завершается уходом из профессии.

В первые годы врачебной деятельности (в профессиогенезе личности это так называемые периоды «адаптанта» и «интернала») особую значимость в развитии ИСД приобретают механизмы *коррекции* и *компенсации*. Они позволяют молодому профессионалу целенаправленно довести способности и готовность выполнять профессиональные действия, операции, манипуляции до оптимальных границ. Так, быстрый темп деятельности, будучи профессионально значимым качеством при выполнении отдельных врачебных манипуляций (операций), не способствует успешному выполнению ряда таких нормативных видов деятельности, как: беседа с пациентом, физикальное и мануальное обследование, оформление медицинской документации и др., требующих устойчивого внимания, спокойного рабочего темпа и т.д. Приходится констатировать, что и на данном этапе профессионализации врач остается один на один с проблемой профессионально-личностного становления и методом проб и ошибок идет по пути развития ИСД.

На уровне «суперпрофессионализма» (периоды «мастера» и «авторитета» в профессиогенезе личности) типологически обусловленные особенности деятельности, обеспечивающие достижение высоких результатов, активизируют мотивационные компоненты личности, закрепляют ее профессиональную идентичность, уникальную Я-концепцию врача-профессионала. Так, по данным наших исследований, в типологии профессиональных предпочтений поликлинических терапевтов, имеющих продолжительный опыт врачебной деятельности (свыше 15 лет), значительное место занимают социально ориентированные выборы [18; 23]. Это обуславливает, в частности, наличие у врача-терапевта в структуре ИСД развитых коммуникативных и организаторских способностей, умений вести диалог, объяснять, находить необходимый тон и оптимальную форму общения с пациентом. На этом этапе профессионализации с очевидностью проявляется направленное влияние вышележащих иерархических уровней индивидуальности (направленности, мотивации, сформированных профессиональных умений и навыков, клинического мышления и пр.) на нижележащие, в первую очередь на темпераментальные, нейродинамические свойства, в сторону их адаптации и компенсации, в результате чего происходит профессиональная коррекция способностей личности и завершается формирование «ядерных» и «пристроечных» компонентов ИСД.

Свидетельство тому – яркие профессиональные биографии выдающихся отечественных врачей.

Таким образом, можно заключить, что формирование индивидуального стиля деятельности врача есть системный процесс, организующий и направляющий вектор развития личности на достижение профессионально-личностной целостности. Модель этого процесса отражает непрерывность развития врача как субъекта деятельности, при этом механизмы формирования ИСД имеют специфическую для каждого профессионального этапа содержательность, проявляющуюся в формах их актуализации и взаимодействия. Стихийный характер формирования ИСД обуславливает нередко становление непродуктивного стиля деятельности, при котором адаптация в профессии происходит за счет истощения физиологических ресурсов организма, а не путем развития компенсаторных отношений. Косвенным подтверждением этого является распространенность состояний профессионально-личностной дезадаптации в среде врачей, работающих в сфере здравоохранения более 15 лет [20; 21].

В контексте сказанного можно сделать принципиально значимый практический вывод: пришло время осознать назревшую актуальность существенного расширения психологической составляющей в процессе непрерывного профессионального образования врача. Это, безусловно, позволит не только обогатить его профессиональную готовность к взаимодействию с пациентом, но и станет существенным шагом на пути психологической адаптации личности в профессии, формирования продуктивного индивидуального стиля деятельности.

Библиографический список

1. *Абрамова Г.С., Юдчиц Ю.А.* Психология в медицине: учеб. пособие. М.: ЛПА «Кафедра-М», 1998.
2. *Абульханова-Славская К.А.* Личность в процессе деятельности и общения // Психология личности: хрестоматия. Самара: Бахрах, 1999. Т. 2.
3. *Ананьев Б.Г.* Психологическая структура личности и ее становление в процессе индивидуального развития человека // Психология мышления: хрестоматия. Самара: Бахрах, 1999. Т. 2.
4. *Дикая Л.Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: Ин-т психологии РАН, 2003.
5. *Ильин Е.П.* Обеспечение надежности деятельности в связи с учетом типологических особенностей свойств нервной системы // Проблемы инженерной психологии. Ярославль: ЯрГУ-ИП АН СССР, 1976.
6. *Ильин Е.П.* Стили деятельности: новые подходы и аспекты // Вопросы психологии. 1988. № 6.
7. *Ильин Е.П.* Успешность деятельности, компенсации и компенсаторные отношения // Вопросы психологии. 1983. № 5.
8. *Климов Е.А.* Введение в психологию труда. М.: Изд-во МГУ, 1988.

9. *Климов Е.А.* Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1969.
10. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1977.
11. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М.: Междунар. гуманитарный фонд «Знание», 1996.
12. *Мерлин В.С.* Деятельность как опосредующее звено в связи разноуровневых свойств индивидуальности // Проблемы интегрального исследования индивидуальности. Пермь: изд-во Пермского пед. ин-та, 1978.
13. *Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
14. *Мерлин В.С., Климов Е.А.* Формирование индивидуального стиля в процессе обучения // Советская педагогика. 1967. № 4.
15. *Платонов К.К.* Проблемы способностей. М.: Наука, 1972.
16. *Теплов Б.М.* Проблемы индивидуальных различий. М.: Наука, 1961.
17. *Шукин М.Р.* О структуре индивидуального стиля трудовой деятельности // Вопросы психологии. 1984. № 6.
18. *Ясько Б.А.* Врач: психология личности. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2001.
19. *Ясько Б.А.* К вопросу о системном анализе процесса профессионализации врача // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. общественные науки. 2003. № 3.
20. *Ясько Б.А.* К проблеме профессиональной адаптации врача // Бюллетень НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н.А. Семашко. Вып. 4: в 2 ч. 2002. Ч. 2.
21. *Ясько Б.А.* О факторах риска профессионально-личностной дезадаптации в деятельности врача // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2003. № 2.
22. *Ясько Б.А.* Психология личности и труда врача. Ростов н/Д: Феникс, 2005.
23. *Ясько Б.А., Стецишин Р.И.* Профессионально-личностные предпочтения в структуре субъективных характеристик врача скорой помощи // Кубанский научный медицинский вестник. 2007. № 6.

КОНТРАКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ФАКТОР МОТИВАЦИИ К УСПЕШНОЙ УЧЁБЕ

.....

С.А. Коваленко¹

Ключевые слова: студенты-«бюджетники», студенты-«контрактники», успешность образования. **Keywords:** students «to budget», students «contractors», the success of education.

От либерализации высшего профессионального образования (ВПО), т.е. от «появления негосударственных вузов» и «допущения платности в государственных вузах» [6, с. 47] ожидали прежде всего эффекта оздоровления. В дифференциации финансовых потоков виделся способ наладить более эффективную координацию между основными агентами институционального взаимодействия – государственными финансами, вузами, предприятиями и домохозяйствами. Позитивный эффект связывался с идеями дополнить администрирование механизмами рыночного регулирования, переориентировать потоки неформальных платежей на институциональные нужды образования и т. п. [4; 9]. Кроме того, установлено, что дифференциация финансовых потоков может способствовать повышению не только качества образования [2], но и ответственности производителей и потребителей образовательных услуг [3].

Надежды на изменения в мотивации связываются с возмещением студентом затрат на обучение, с рыночным механизмом, стимулирующим рациональное поведение потребителя образовательных услуг. Оплачиваемое из средств домохозяйств высшее образование становится для потребителя (студента, делегируемого агента домохозяйства) большей ценностью, нежели высшее образование, за которое платит государство (а точнее, и общество) [8, с. 8; 1, с. 98–99]. В этой формуле ответственность за успешное усвоение учебных программ переносится с общественного уровня на индивидуальный. Другими словами, коллективная ответственность студентов за результаты своего обучения перед обществом подменяется индивидуальной ответственностью перед домохозяйством. Ожидается также, что изменится и отношение к оплате за обучение

---

¹ Коваленко Сергей Александрович – преподаватель кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: SJKovalenko@yandex.ru.

из собственных средств: плата будет восприниматься не как досадная повинность, а как инвестирование в собственный человеческий капитал в условиях перехода России к экономике, основанной на знаниях [5].

В статье мы попытаемся оценить, насколько появление платности ВПО повысило успешность обучения студентов-контрактников. Для этого обратимся к данным национального репрезентативного опроса «Мониторинг экономики образования» за 2007 г.²

Индикатором успешности обучения послужили ответы на вопрос, который задавался самим студентам или, если их не было дома, другим (взрослым) членам домохозяйства. Вопрос задавался в следующей формулировке: «Какими были в прошлом учебном году успехи ребенка в учебе? Каких оценок на экзаменах у него (нее) было больше?»

Следует признать, что при анализе мы использовали косвенные данные, точность и достоверность которых не следует преувеличивать. Однако с большой долей вероятности можно утверждать, что более точных данных, репрезентативных в национальном масштабе, просто нет.

***

Визуальный анализ распределения оценок студентов-бюджетников и студентов-контрактников (рис. 1) не подтверждает гипотезу о прямой связи между возмещением затрат и успехами в учебе. Напротив, 12-процентное (18–6) преимущество бюджетников-отличников свидетельствует скорее об обратном: среди бюджетников группа мотивированных учиться на отлично более многочисленна. Сходные данные о том, что студенты-бюджетники более успешны в учебе, приводят и другие авторы [7, с. 104].

Однако при столь грубом сравнении игнорируется возможная неоднородность влияния платности на уровень мотивации к обучению для разных категорий бюджетников и контрактников. Данные мониторинга позволяют нам проконтролировать ряд переменных и выявить возможные влияния платности ВПО на успешность в учебе в зависимости от пола студентов, от принадлежности к различным социально-экономическим стратам и от места проживания (различные типы населенных пунктов).

Пол

Общеизвестно, что девушки учатся успешней юношей. Это обнаружилось и анализируемых данных, причем различие в успеваемости оказалось статистически значимым (χ^2 при $p < 0,01$).

---

² Мониторинг ежегодно проводится Фондом «Общественное мнение» по заказу ГУ-ВШЭ. URL: <http://education-monitoring.hse.ru>

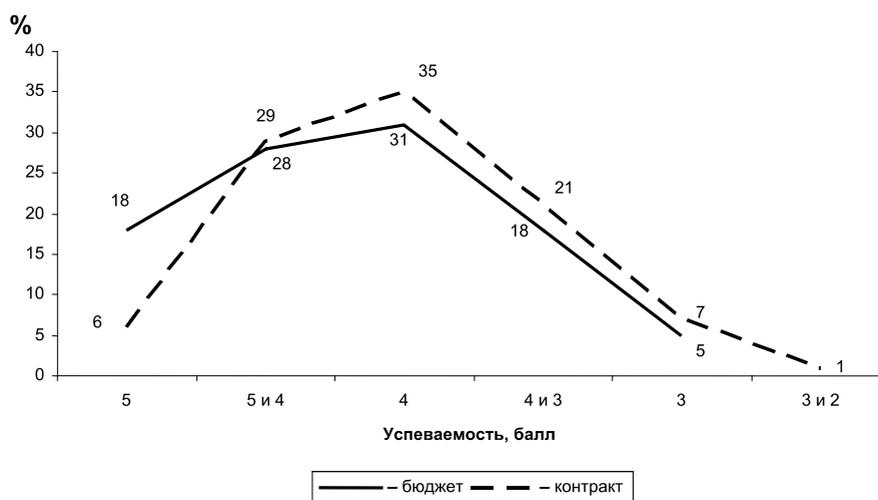

Рис. 1. Успешность обучения студентов-бюджетников и контрактников

Сравнение графиков на рис. 2–3 показывает, что влияние коммерциализации имеет одинаковое направление на студенчество обоих полов: студенты-контрактники в среднем учатся хуже, чем студенты-бюджетники.

Разница между девушками и юношами наблюдается в *чувствительности* к влиянию платности. Во-первых, среди девушек-контрактниц доля отличниц в 3 раза ниже, чем среди бюджетниц, что компенсируется превышением хорошисток на 8 %. Среди юношей максимальное различие между контрактниками и бюджетниками не превышает 5 %. Следовательно, успеваемость девушек более чувствительна к обучению по контракту.

Во-вторых, если на бюджетной форме учащихся на «отлично» девушек в два с лишним раза больше, чем юношей (23 против 10 %), то на договорной форме обучения эта пропорция исчезает, и доли отличников становятся одинаково низкими как у девушек, так и у юношей (7 против 5 %). Таким образом, если предположить специфически гендерную чувствительность к обучению по контракту, то придется признать, что платность создает такую среду – среду студентов-контрактников, которая приводит к *нивелированию гендерных различий в контингенте учащихся на высшие оценки*.

Не ограничиваясь визуальным анализом распределений, мы провели расчеты средних баллов по четырем сравниваемым группам и подтвердили адекватность визуального анализа: средний балл у юношей-бюджетников составил 3,9, у девушек – 4,3, у юношей-контрактников – 3,7, у девушек – 4,1. Таким образом, *ни в подвыборке юношей, ни в подвыборке девушек фактор контрактного обучения не произвел никакого положительного воздействия на уровень мотивации к успешному обучению*.

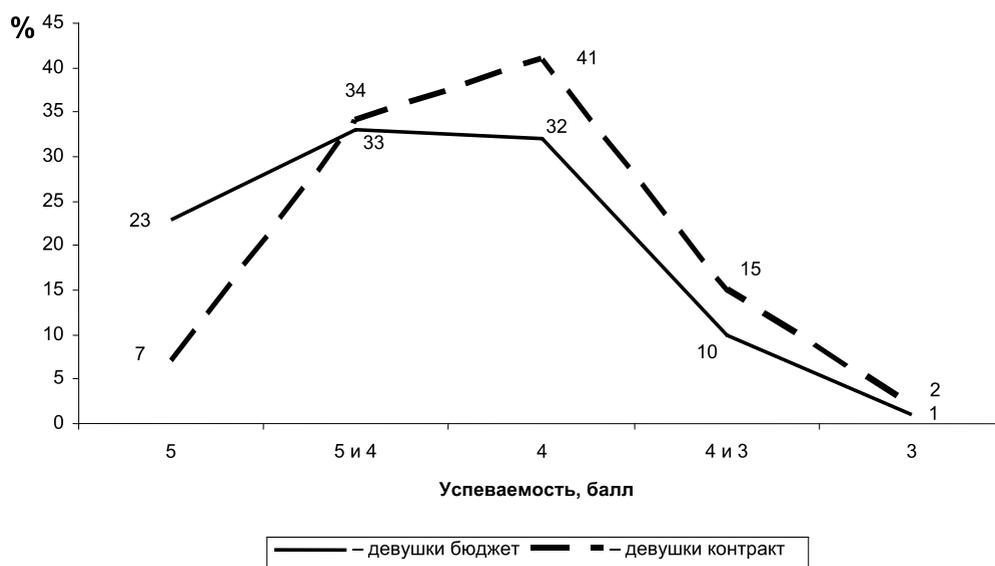

Рис. 2. Успешность обучения девушек-бюджетниц и контрактниц в зависимости от пола

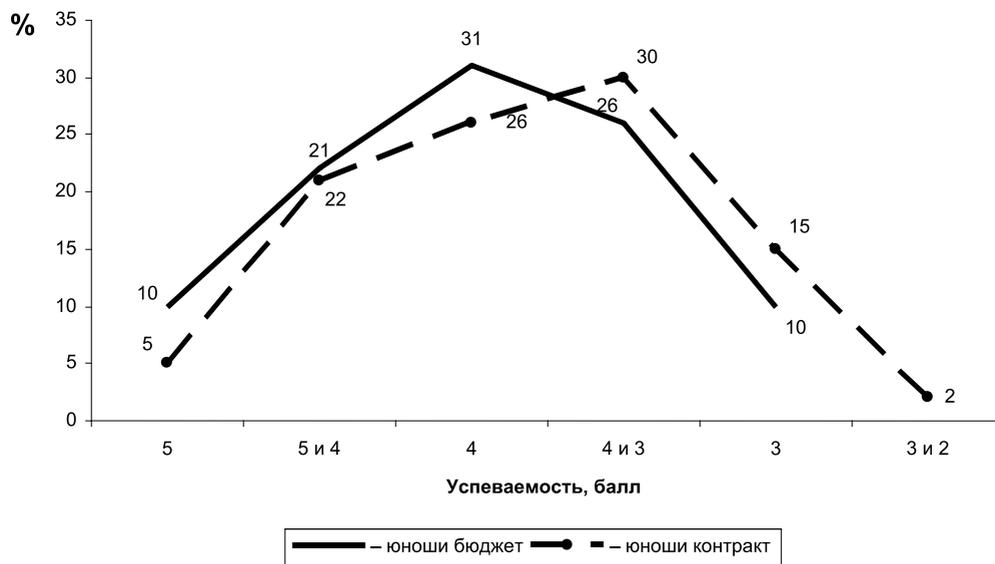

Рис. 3. Успешность обучения юношей-бюджетников и контрактников в зависимости от пола

Место жительства

Следующая переменная – тип населенного пункта, в котором находится домохозяйство студента. Место постоянного проживания, разумеется, может не совпадать с местом обучения. Почему здесь важен именно тип населенного пункта, из которого студент родом, а не тип населенного пункта, в котором он обучается? Потому, что социализация студента в этом населенном пункте происходила дольше по времени, и, соответственно, студент на момент поступления в вуз являлся носителем системы ценностей своей малой родины, которые, как мы предполагаем, могут опосредовать влияние коммерциализации на мотивацию студента к обучению.

В левой части табл. 1 приведены данные о распределении успеваемости бюджетных студентов, в правой части для удобства анализа показана разница в успеваемости между бюджетными и договорными студентами.

Первое, на что стоит обратить внимание, – это незначительность различий в успешности обучения в среде столичных студентов-бюджетников и контрактников. Это значит, что в столицах (Москва, Санкт-Петербург) контрактное обучение не связывается с улучшением мотивации к обучению либо увеличением доступа к высшему образованию для менее мотивированных платных студентов. В остальных типах населенных пунктов заметно снижение успешности обучения студентов-контрактников относительно студентов-бюджетников. Альтернативная интерпретация: за пределами столиц платность позволила получать ВПО немотивированным студентам либо оценки контрактникам ставят более реалистично.

Таблица 1

Успешность обучения студентов-бюджетников и контрактников в зависимости места постоянного проживания, %

Преобладающие оценки	Бюджет				Разница (бюджет – контракт)			
	Столицы	Крупный город	Малый город	Село	Столицы	Крупный город	Малый город	Село
5	14	21	17	14	-3	16	13	12
5 и 4	27	27	31	26	6	-4	3	-11
4	32	25	37	37	-2	-13	2	5
4 и 3	17	22	14	14	0	2	-9	-5
3	10	4	2	7	1	0	-7	-4

Таким образом, обучение на контрактной основе не показало ожидавшегося эффекта в увеличении мотивации к обучению ни в одном из типов населенных пунктов.

Материальный достаток семьи

Предполагается, что социально-экономический статус домохозяйства, оставляющий заметный отпечаток на системе ценностей студента, определяет возможность рыночных механизмов влиять на его уровень мотивации к обучению.

Достаток домохозяйства традиционно измеряют его уровнем потребления. В данном случае при ответе на вопрос «Какое из перечисленных описаний точнее всего соответствует материальному положению вашей семьи?» респонденты выбирали тот набор материальных благ в диапазоне от еды до недвижимости, на приобретение которого домохозяйство имеет достаточно средств. Для наглядности шесть градаций мы объединили в три таким образом, чтобы максимально избежать искажения исходных распределений³.

Грубый подсчет средних баллов снова не выявил существенной разницы. Среди студентов-бюджетников из семей с низким уровнем дохода средний балл равнялся 4,1, со средним уровнем – 4,1, с высоким уровнем – 4,2, среди студентов-контрактников из семей с низким уровнем дохода – 4,0, со средним – 4,0, с высоким – 3,8. Поэтому имеет смысл проанализировать данные табл. 2 более подробно.

Таблица 2

Успешность обучения студентов-бюджетников и студентов-контрактников в зависимости от уровня материального достатка домохозяйств, %

Преобладающие оценки	Бюджет			Разница (бюджет – контракт)		
	Уровень материального достатка					
	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
5	13	17	32	9	9	29
5 и 4	32	28	19	-1	-2	-4
4	35	32	24	9	-5	-21
4 и 3	11	19	22	-18	1	-3
3	9	4	3	2	-4	-2

Если сравнивать бюджетную и контрактную подвыборку, то становится ясно, что в группе студентов из семей с высоким уровнем доходов акцент с отличных оценок переходит на хорошие, в группе со средним достатком еще

³ В интервью использовалась следующая шкала: «Денег не хватает даже на питание», «На питание денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные проблемы», «На покупку одежды и обуви денег хватает, а бытовую технику купить трудно», «Денег вполне хватает на крупную бытовую технику, но мы не могли бы купить новую машину», «Денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как дача, квартира», «Материальных затруднений не испытываем. При необходимости могли бы приобрести дачу, квартиру». Без существенных искажений первая и вторая группы составили категорию «низкий уровень», третья и четвертая – «средний», пятая и шестая – «высокий».

более усиливается центр (мода приближается к медиане), а в группе с низким достатком часть хорошистов перемещается на уровень ниже: к оценкам «хорошо» и «удовлетворительно» (мода смещается от медианы в сторону более низкого значения).

Это показывает, что *контрактное обучение не мотивировало студентов к более успешному обучению ни в одной из групп материального достатка.*

Выводы

Таким образом, если принимать возмещение стоимости обучения в качестве независимой переменной, как фактор, способный повышать мотивацию студентов к освоению учебных программ, то приходится признать, что наличие мотивирующего эффекта эмпирического подтверждения не находит, ибо ни в одной из исследуемых групп не было замечено явного улучшения успеваемости в связи с оплатой домохозяйствами стоимости обучения.

Если и обнаружилось влияние платности, то скорее негативное; оно заключается в нивелировании факторов пола (девушки) и экономического статуса семьи (высокий достаток), которые в популяции бюджетных студентов положительно связаны с высоким уровнем успеваемости.

Итак, платность образования не выполняет функции фактора стимулирующего изменения в желаемом направлении. В той мере, в какой наблюдается нивелирование мотивирующих преимуществ пола и достатка, платность образования играет роль трансформатора, в котором при доступе к получению ВПО частные инвестиции подменяют готовность и способность с отличием осваивать учебную программу. Отсюда нужно делать парадоксальное, с точки зрения сторонников либеральной модели, заключение: бюджетное финансирование в большей степени способствует позитивной селекции студентов.

Если проинтерпретировать платность образования как зависимую переменную, то вывод таков: оценка домохозяйствами мотивации своего абитуриента оказывает влияние на выбор бюджетной и контрактной формы обучения.

Библиографический список

1. *Берулава М.Н.* Высшее образование России в свете рыночных реформ // Педагогика. 2004. № 8.
2. *Браун У.О.* Источники финансирования и их воздействие на качество образования в высшей школе // Вопросы образования. 2006. № 1.
3. Всемирный банк в современной образовательной политике [Аналитический доклад]. URL: http://international.edu.ru/analitics/analytic_articles/2267.
4. *Галицкий Е.Б., Левин М.И.* Коррупция в системе образования // Мониторинг экономики образования: информационный бюллетень (М.: ГУ–ВШЭ). 2004. № 4 (6).
5. Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ за 2004 год / под общ. ред. проф. С.Н. Бобылева. М.: Весь Мир, 2004.

6. *Клячко Т.Л., Мау В.А.* Тенденции развития высшего профессионального образования в Российской Федерации // Вопросы образования. 2007. № 3.
7. *Колесников В.Н., Кучер И.В., Турченко В.Н.* Коммерциализация высшего образования — угроза национальной безопасности России // Педагогика. 2004. № 6.
8. *Кузьминов Я.И.* Действовать вопреки рынку просто бессмысленно... (интервью) // Платное образование. 2004. № 12 (26).
9. *Оберемко О.А.* Платность высшего образования: Авансы институциональных изменений // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2005. М.: Институт социологии РАН, 2006.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ВЛАСТНЫХ ПРОЦЕССОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

.....

В.В. Меньшиков¹

Ключевые слова: глобализация, власть, политическое прогнозирование, социальное конструирование. **Keywords:** globalization, power, political forecasting, social construction.

Глобальные изменения, происходящие в современном мире, поставили перед человечеством новые проблемы, требующие осмысления и соответствующих действий. Эти изменения носят объективный характер, отменить или замедлить их развитие сегодня практически невозможно, следовательно, необходимо понять те механизмы и факторы, которые играют в данном процессе определяющую роль. Глобализация сказывается как на внутренней, так и на внешней политике государств. Своеобразная перестройка международных связей и отношений особенно стала очевидна с распадом мировой системы социализма и СССР. «В глобализирующемся мире при совокупном росте объема власти, увеличении ее потенциала и расширении пределов ее возможностей происходит одновременно ее диверсификация и дробление с увеличением числа политических акторов, в частности государств. Это делает проблему государственного суверенитета принципиально важной. Однако именно здесь и возникает множество противоречащих друг другу подходов и точек зрения, вплоть до взаимоисключающих» [5, с. 17]. В данном высказывании В.М. Ильин констатирует изменения, происходящие с властью в современном мире. С одной стороны, на уровне деятельности некоторых международных структур она усиливается, с другой стороны, с образованием новых государств, новых субъектов политических и экономических отношений власть все более дифференцируется. Этот двусторонний процесс осуществляется неравномерно в силу существующего приоритета наиболее развитых государств и их союзов, которые на мировой арене играют ведущую роль.

---

¹ Меньшиков Валерий Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: politics@kubsu.ru

Одной из проблем, связанных с пониманием механизма глобализации, является вопрос о роли в этом процессе экономической и политической власти. В свое время М. Вебер отмечал наличие тенденции выхода экономического развития за рамки национальных границ и начавшийся процесс создания всеохватывающей хозяйственной общности наций. Характеризуя развитие данной тенденции в наши дни, М. Молчанов относит транснациональные корпорации (ТНК) к наиболее очевидным агентам глобализации. Их штабквартира, как правило, расположена в одной из развитых стран, в то время как сеть предприятий распространяется по странам, в которых меньшая стоимость трудовых и природных ресурсов гарантирует более высокую прибыль. Другую группу проводников транснационализации составляют международные банки, страховые компании и другие ведущие организации. Для них характерна способность быстро совершать трансферты больших денежных сумм из одной страны в другую в предчувствии перемен на рынках валюты. Это наделяет данные группы инструментами политического и экономического давления на национальные правительства. «Глобализация часто определяется двумя чертами: 1) транснационализацией производства и 2) перемещением финансового капитала по всему миру, практически не стесненным национальным законодательством и государственными границами» [8, с. 95]. Следовательно, транснациональные корпорации обладают экономической властью, которая позволяет им диктовать не только экономические, но и политические условия, выгодные для приложения своего капитала. Срачивание экономической и политической власти в международном властном пространстве осуществляется двумя путями: через непосредственное влияние ТНК на политику других государств и через политическую поддержку деятельности данных корпораций со стороны государств (союзов государств), заинтересованных в оказании давления на соответствующие страны [4, с. 124–125].

Культура в условиях глобализации тоже втянута в сферу властного взаимодействия. «Важнейшими стимулами для развития этих процессов, – пишет А.И. Соловьев, – выступают транснационализация мировых и региональных центров политической власти, расширение культурных связей между народами и особенно появление новых информационных технологий и каналов (механизмов) коммуникации, трансформирующих традиционные принципы общежития в сфере власти, формы социализации граждан, их участие в политической жизни» [11, с. 6]. По мнению автора, в русле разнообразных коммуникаций и способов продуцируются и рождаются новые смысловые образы власти, вырабатываются новые ценностные иерархии, отношения, политические нормы, институты, цели. Стимулируя более интенсивное привлечение культурного капитала в политику, коммуникации изменяют как саму политическую среду, так и место в ней культурных компонентов. В результате этого в современном информационном пространстве политическая культура становится одновременно источником производства властно значимых товаров,

формой их существования и средством их потребления различными акторами. На основании сказанного автор приходит к следующему выводу: «...коммуникации не просто соединяют лики культур настоящего и будущего. Они образуют пространственно-временной континуум смыслозначимых образов власти, обладающий как ретроспективным, так и неким футурологическим резонансом» [11, с. 7].

При прогнозировании возможного развития политических или властных процессов сегодня нельзя не учитывать происходящих в мире глобальных политических процессов. «Пора признать, – пишет А. С. Панарин, – что теперь наряду с глобальными информационными полями, позволяющими действовать на сознание людей поверх государственных границ, в мире образовались и другие глобальные поля, открывающие возможности аналогичных действий в отношении материальных факторов человеческого существования. Это означает, что мы являемся свидетелями нового процесса формирования *глобальной власти*, отличающейся от ее традиционных форм принципиально новыми технологиями *дистанционного воздействия и латентными формами проявления*» [9, с. 5]. По мнению автора, задачами глобального политического прогнозирования должны стать выработка предостерегающего знания и пояснение имеющихся в распоряжении человечества приемлемых альтернатив. Поэтому предметом глобального политического прогнозирования является качественно иное будущее человечества.

А.С. Панарин выделяет три основания, которые необходимо учитывать при прогнозировании будущего: первое связано с «экологическими пределами» роста – экологической перегрузкой планеты; второе – с тенденцией нравственного вырождения, которая поставила перед человечеством проблему необходимости смены социокультурной парадигмы, формирующей нравственный и поведенческий код современного человечества; третье – с углубляющейся социальной поляризацией между адаптированной (благополучной) и неадаптированной (неблагополучной) частями человечества. Наличие данных факторов ведет к расколу мира, запускает в действие механизм разрушения нашей планетарной цивилизации, ведущий от отношений солидарности и доверия к безжалостному социал-дарвинистскому отбору, войне всех против всех.

Автор подчеркивает, что прогнозирование, осуществляемое на основе классических требований детерминистского подхода, когда прогноз строился не на открытии качественно иного будущего, а на стремлении увидеть в настоящем черты будущего, для политического глобального прогнозирования неприемлем. В новейшей постклассической науке на первый план выдвигаются такие концепты, как нелинейность, неопределенность, бифуркация, стохастичность. Он выделяет следующие «основные *методологические презумпции* глобального политического прогнозирования:

– *принцип неопределенности будущего*, который соответствует новой научной картине мира, связанной с критикой классического детерминизма и открытием стохастических процессов;

– *понятие бифуркации* – раздвоения течения тех или иных процессов, достигших определенной критической величины, после которой однозначная зависимость между прошлым и будущим состоянием системы теряется;

– *принцип дискретности пространства-времени*, означающий, что в точках бифуркации образуются предпосылки качественно новых состояний, дающих качественно иное будущее» [9, с. 9–10].

На нынешнем этапе мирового развития роль и значение синергетического подхода возрастает. Синергетика в отличие от диалектики, методы которой больше применимы к исследованию макропроцессов, акцентирует главное внимание на изменениях, флуктуациях, осуществляемых на микроуровне, зарождение и развитие которых может привести при соответствующих условиях к бифуркации, коренным образом изменяющей существующее положение. Нужно отдать должное автору, который применил синергетическую методологию для понимания проблемы, связанной с глобальным политическим прогнозированием.

Если политическое прогнозирование – это процедура открытия новых форм человеческого существования, организации и самоорганизации отдельных обществ, то глобальное политическое прогнозирование есть процедура открытия качественно новых состояний современного взаимосвязанного мира в целом. Центральной проблемой глобального политического прогнозирования является феномен *глобальной власти* [9, с. 10]. Приоритеты этой власти могут не совпадать с приоритетами народов, если они лишены необходимых рычагов контроля и влияния. Нет ничего опаснее бесконтрольной власти, о чем свидетельствует трагический опыт тоталитарных диктатур. Глобальная власть, считает автор, может быть тоталитарной, негативные последствия такой власти могут стать несравненно большим вызовом человечеству, чем ранее существовавшие формы тоталитаризма. Эта власть представляет собой новую политическую технологию небывалой силы.

В последнее десятилетие мы наблюдаем своеобразную картину, когда демократические государства на международной арене проводят отнюдь не демократическую политику. Чаще всего так поступают страны (та или иная группа стран), входящие в блок НАТО. Идет беспрецедентное вмешательство во внутренние дела других государств, вплоть до прямой агрессии; к этому можно отнести также движение НАТО на Восток и другие акции. Ставка в международной политике на силу, игнорирование международного мнения свидетельствуют о тенденции, которая со временем может стать базовым принципом для формирования тоталитарных отношений в мировой политике. Если не будет противостоящих, противодействующих данной политике цент-

ров, если глобальная власть не будет формироваться на демократической основе, то развитие в указанном направлении может получить свое дальнейшее продолжение. Действенными средствами, способными ответить на вызовы глобальной власти, по мнению А.С. Панарина, должны стать гуманистическая экспертиза и демократический контроль.

Представляется необходимым подробнее рассмотреть значение понятия «глобальная власть», тем более что на этот счет сегодня нет единого устоявшегося мнения. Можно выделить следующие определения понятия «глобальная власть»:

1) глобальная власть – ведущая тенденция, оказывающая доминирующее влияние на международные, межгосударственные и внутригосударственные процессы;

2) глобальная власть – это власть, присущая группе ведущих государств, решающим образом воздействующих на международную политику, международные процессы;

3) глобальная власть есть регулятивный процесс, оказывающий влияние на мировое развитие, являющийся результатом деятельности государств, народов, стран в экономической, политической, культурной сферах. В данном случае глобальная власть – это результирующая процесса противоречивого развития международных отношений.

Возможны и другие подходы к пониманию глобальной власти и понятий, связанных с данным явлением («центр глобальной власти», «глобальное властное воздействие», «носитель функций глобальной власти» и др.). Очевидно одно, что глобальная власть отличается от экономической, политической, духовной, информационной, религиозной. Она вбирает в свое содержание совокупное действие различных форм и видов власти, ее воздействие носит комплексный характер и одновременно осуществляется по различным направлениям. «Теоретически невозможно доказать, что “глобальная власть” должна или, наоборот, не должна быть централизована. Нормативная же политическая теория может настаивать на преимуществах того или иного варианта в зависимости от своей философско-политической ориентации. На самом же деле, так сказать, “по жизни” в глобальном руководстве различимы элементы разных форм организованности» [7, с. 9].

А.С. Панарин глобальную власть понимает как новую политическую технологию и как доктрину однополярного мира, за которой стоят глобальные амбиции единственной сверхдержавы. Исходя из этого, он формулирует задачи, стоящие перед глобальным политическим прогнозированием. К числу таковых относятся: оценка возможных будущих пертурбаций, связанных с экспансией сверхдержавы, пытающейся создать управляемый ею мир, и необходимость

вооружения человечества и политических элит, принимающих решения, новым знанием, пригодным для построения управленческих сценариев.

Ученый различает краткосрочное и долгосрочное глобальное прогнозирование. Основу первого составляют процедуры экстраполяции, анализ сложившегося соотношения сил и стартовых условий. Для долгосрочного прогнозирования важное значение имеют такие понятия, как временная дискретность, реактивность, альтернативность. «Прогнозирующий политолог оперирует двумя типами информации: *дискретивной* – *описательной* (хотя описательность здесь носит весьма специфический характер, относящийся к возможности, а не к действительности) и *прескриптивной* – *предписательной*, или *рецептурной*. Именно на последней практически всегда делается особый акцент. Иными словами, политический прогнозист выступает не столько в роли традиционного прорицателя или пророка, сколько в роли технолога, показывающего, при каких именно условиях и с помощью каких средств может быть достигнуто то или иное состояние желательного будущего» [9, с. 13].

Видение перспектив общественного развития – необходимое условие для понимания происходящих в обществе изменений, целенаправленного воздействия на них. «Прогноз – это и инструмент формирования будущего. Даже будучи в целом ошибочным, он тем не менее влияет на происходящие процессы, искажая их (пример – марксистско-ленинская теория)» [10, с. 145]. К сожалению, в России в этой области дело обстоит не лучшим образом. Отсюда просчеты, ошибки, поверхностное, подчас иллюзорное представление о будущем. Причины такого положения вещей коренятся в недооценке роли научного прогнозирования, в отсутствии соответствующих институтов, призванных осуществлять опережающий поиск. Практика перехода, преобразования настоящего в будущее носит сложный диалектический характер, которому присущи свой механизм и свои закономерности. Наиболее значим здесь фактор преобразующего воздействия регулятивной системы на происходящие в обществе процессы [6, с. 26–27].

Будущее как категорию общественного развития можно рассматривать в нескольких аспектах. В самом абстрактном аспекте под будущим следует понимать дальнейшее развитие мира во времени и пространстве за порогом его качественного состояния в настоящем. Исходя из такого понимания, можно дать аналогичную трактовку его применительно к общественному развитию. Будущее – это процесс дальнейшего общественного развития, началом отсчета которого служит настоящее. Данное определение носит онтологический характер, ибо объективно, безотносительно к нашему сознанию такое развитие будет продолжаться. Другое дело, как мы этот процесс будем отражать, насколько наше понимание будет согласовываться с действительностью. Поэтому в гносеологическом плане понимание будущего получает несколько

иное смысловое выражение. Под будущим имеются в виду наши представления о дальнейшем развитии общества.

В осуществлении поиска в указанном направлении исключительная роль принадлежит научному прогнозированию. Оно, как правило, носит ориентированный на причинно-следственные связи характер, т.е. будущее мыслится как фактор, хотя и отстоящий во времени от настоящего, но являющийся его продолжением. Отсюда возможны, если отсутствует научный подход, иллюзорные представления, определенный утопизм в понимании будущего, в основе которого лежит экстраполяция наших сегодняшних представлений на процессы, отстоящие во времени. Задача научного прогнозирования состоит в том, чтобы на основе знания реальных условий, особенностей, закономерностей, тенденций, социального развития, имеющихся предпосылок дать относительно правильное представление о путях будущего развития общества, его отдельных сфер. *«Задача политической прогностики – сформировать картину не закрытого, а открытого будущего, в котором прежние объекты чужой политической воли обретают шанс стать самостоятельными субъектами»* [9, с. 15].

Прогнозирование тесно связано с социальным регулированием, ибо в его задачи входит обоснование содержания будущего развития с целью сознательного воздействия на этот процесс в нужном для общества направлении. Базируясь на объективных процессах социального развития, прогнозирование исходит из конкретных интересов, потребностей людей, является важным, мобиливающим их деятельность фактором. Согласование деятельности людей во многом зависит от степени совпадения взглядов на пути и цели общественного развития. Если совпадения в главном нет, то возможны противоречия, конфронтация, конфликты.

По цели исследований прогнозирование можно разделить на две разновидности: на то, которое осуществляется в направлении заранее поставленной и отстоящей во времени цели (в качестве таковой может выступать система представлений о конструкции будущего общества, его теоретическая модель), и прогнозирование, осуществляющее поиск на основе заранее заданных параметров, признаков, которыми должна обладать социальная система (например, набор признаков и черт, реализация которых в итоге дает намеченный нами результат). Базой обоих принципов исследований служат происходящие в обществе процессы, разница лишь в установках, исходных данных, методах решения прогностических задач.

Имеется и иное понимание основных разновидностей прогнозирования. Выделяют поисковый и нормативный прогнозы. Для поискового прогноза основанием служит условное продолжение в будущее существующих тенденций развития исследуемого объекта в прошлом и настоящем. Он сосредоточивает главное внимание на выяснении того, как будет развиваться соответствующе-

щее явление при сохранении существующих тенденций. Нормативный прогноз разрабатывается на базе заранее сформулированных целей. В некотором смысле он аналогичен уже ранее названному прогнозу, осуществляемому по заранее установленным параметрам. Задача нормативного прогноза – определить пути и сроки достижения возможных состояний явления, выступающего объектом прогнозирования [3]. Если поисковый прогноз исходит при определении будущего состояния объекта из его прошлого и настоящего, то нормативный прогноз, наоборот, отталкивается от заданного состояния в будущем к возможным тенденциям изменения в направлении заранее поставленной цели. Оба вида прогноза взаимодополняют друг друга и используются совместно. «Прогноз служит одним из критериев правильности понимания действительности, истинности и плодотворности теории, положенной в основу анализа» [10, с. 145]. Прогнозирование как разновидность предвидения расширяет наши представления о реальных возможностях рационального и целенаправленного воздействия на окружающую действительность, способствует принятию правильных решений. Без научного прогнозирования невозможно осуществлять исследование социальных явлений, которое носило бы опережающий характер. Система научного прогнозирования должна иметь свою развитую материальную и научную базу, свои специально подготовленные кадры, научно-исследовательские учреждения, в обязанность которых входила бы разработка прогностических моделей.

Научное прогнозирование развития властных отношений, если оно осуществляется качественно, с учетом имеющихся реалий, возможных положительных и отрицательных последствий, строится на доказательной основе, вызывает у людей уверенность и мобилизирующим образом воздействует на их деятельность. Доверие к власти, ее действиям выступает важным стабилизирующим общественные отношения фактором, способствует созданию в обществе здорового морально-психологического климата, снимает социальную напряженность. Оно является следствием взаимоотношений между субъектом и объектом властных отношений, которые могут носить форму несогласия, безразличия и выступать в соответствии с этим как поддержка действий власти, борьба с ней, нейтральное отношение к ее действиям.

Как уже говорилось, в условиях демократии доверие народа к власти играет весьма существенную роль. Но народ, будучи дифференцированным на различные слои, группы по имущественному и социальному положению, экономическим, политическим и иным интересам, – очень сложное образование. Научное прогнозирование должно учитывать особенности социальной структуры, тенденции общественного развития, чтобы, опережая естественный ход событий, своевременно выдвигать цели и задачи, способные предотвратить возможные нежелательные последствия, объединить усилия людей в нужном для общества направлении. Данное положение следует рассматривать как

одно из условий нормального функционирования управления и власти. Власть должна предвидеть хотя бы в общих чертах последствия своей регулятивной деятельности и не просто предвидеть, исходя из собственной субъективной ограниченности, свойственной каждому властному учреждению, занимающему сугубо определенным видом деятельности, а иметь для этого специальный механизм, осуществляющий научное прогнозирование, предвидение, в задачу которого входила бы своевременная разработка проблем, рекомендаций.

Научное прогнозирование носит целенаправленный характер. Развитие общества в определенной мере представляет осуществляемый через механизм социального регулирования процесс реализации социально значимых целей. Это, безусловно, не исключает возможности существенного влияния обратной связи. Между предвидением и управлением, отмечает И.В. Бестужев-Лада, существует обратная связь различной степени интенсивности – от практически близкой или равной нулю (теоретически никогда не тождественной нулевому значению) до чрезвычайно интенсивной, вызывающей как бы «поглощение» предсказания решением с эффектом самоосуществления или, напротив, саморазрушения прогноза [2, с. 17].

Система общественных целей настолько сложна, а эти цели настолько разнообразны, разнокачественны, что практически учесть все невозможно. Даже личные цели, установки, мотивы являются сложным объектом для психологических, социально-психологических, социологических исследований.

Целеполагание имманентно содержит в себе элемент прогнозирования независимо от того, сознает это личность или нет. Момент опережения развития действительных процессов присущ человеческому знанию, направленность сознания в будущее – неотъемлемая черта его существования. Применительно к общественному развитию целеполагание – это важная социальная функция, во многом предопределяющая развитие общественных процессов. Вместе с тем целеполагание как результирующая многих волей складывается в ходе борьбы противоречивых интересов, утверждения своего понимания будущего развития. Важную роль при этом играют объективные условия, диктующие свои требования, вытекающие из содержания происходящих в обществе процессов. Понять эти требования не всегда просто, еще труднее предвидеть их последствия. Фактор стихийности, наличие неопределенности развития некоторых событий тоже оказывают воздействие. Отсюда становится очевидным, что научное прогнозирование – это одна из очень важных и сложных форм научного познания. Поскольку определяющее начало в регулировании социальных процессов принадлежит власти и управлению, становится очевидной та роль, которую оно должно играть в их деятельности.

Система властно-управленческих отношений реализуется на различных уровнях. В условиях демократии непосредственное и опосредованное уча-

ствие в осуществлении власти и управления принимает народ. У каждого уровня свой круг прав и обязанностей, своя система целей. Успешное развитие общества зависит от того, насколько эти цели скоординированы, насколько они органично связаны между собой, дополняют друг друга, согласуются. Существенная роль в осуществлении прогнозирования общественных процессов принадлежит пониманию стратегической цели общественного развития. Развитие современных государств подтверждает истину: там, где налицо относительно отчетливое понимание путей, основного направления, выдвигаемой цели (целей) общественного развития, там более конструктивно, последовательно и успешно решаются общественно значимые задачи и проблемы.

Как правило, политика, которая ориентируется в своей деятельности на реализацию соответствующих стратегических установок, придает деятельности государства и его структур более организованный, системный характер.

Обоснование стратегической цели – сложная научно-теоретическая проблема, практическая реализация которой во многом зависит от правильности действия власти. Можно сформулировать ряд наиболее общих требований, которыми должна руководствоваться власть в реализации данной прогностической цели.

Во-первых, цель должна быть четко определенной, необходимость достижения ее научно доказанной.

Во-вторых, власть должна исходить из реально существующего положения, имеющихся возможностей. Правильно выбранная, научно обоснованная цель может быть не реализована, если она не подкреплена материально, организационно, не имеет соответствующего научного обеспечения.

В-третьих, важное значение имеет правильный выбор средств, методов, способов достижения цели.

В-четвертых, большую роль в правильной ориентации деятельности власти играет опыт предшествующего развития, анализ которого позволяет глубже понять причины, породившие несовершенство некоторых общественных институтов, лучше увидеть недостатки настоящего, наметить пути их устранения в будущем. Опыт – это не только констатация недостатков, ошибок, просчетов, допущенных в прошлом, понимание причин, их породивших, но и видение всего положительного, что может быть использовано в настоящем и будущем.

В-пятых, помимо процесса реализации поставленной стратегической цели необходимо предвидеть и те побочные последствия, которые она может вызывать.

В-шестых, стратегическая цель лишь тогда реально осуществима, когда опирается на разработанную систему конкретных целей. Имеется в виду создание системы целей («дерева целей»), в которой каждому объекту вменяется в обязанность достижение заранее запланированного результата.

В-седьмых, важную роль в этом процессе играет система стимулов, мобилизующих интересы людей. Люди должны видеть выгоды от своего активного участия в осуществлении поставленной цели.

Было бы неверно исследование процессов будущего развития сводить только к возможностям метода прогнозирования в ущерб общетеоретическим социологическим методам. В этой связи от научного прогнозирования следует отличать социальное конструирование, в задачу которого входит не только определение путей, общих закономерностей, тенденций, направлений будущего развития социальных процессов, но и их конкретная научная разработка. «Конструирование – форма творческой деятельности, по целому ряду черт отличающаяся от познавательного творчества. Если познание состоит в открытии того, что было, есть или может возникнуть, в описании, объяснении действительности, то конструирование – это мысленное создание нового предмета, идеальное его полагание» [1, с. 69].

В самом общем плане социальное конструирование можно разделить на теоретическое и практическое. Первое направлено на научное обоснование того, что нужно сделать, чтобы внедрить данный прогноз в жизнь. Сюда входит предварительная проверка правильности прогноза, научное обоснование необходимости его осуществления, создание модели этого процесса, подсчет требующихся ресурсов, определение путей, средств и методов достижения цели.

Теоретическое конструирование, осуществляемое на основе научного прогноза, может включать социальное проектирование, планирование, программирование.

Под социальным проектированием в научной литературе понимается теоретическое конструирование модели возможного развития процессов, элементов общественной системы. «Хотя социальный проект имеет нормативный характер, но это нормативность особого рода. Проект – это модель одного из возможных состояний будущего объекта, поскольку может быть разработано несколько вариантов осуществляемых проектов, обеспечивающих реализацию определенных потребностей» [1, с. 153–154].

Социальное планирование, базируясь на реальном положении дел и будучи информированным на основе прогноза о направлении развития общественных процессов, во многом предопределяет ход развития последующих событий, рациональное использование материальных и людских ресурсов, успешное решение поставленной задачи.

Теоретическое конструирование играет важную роль в составлении различного рода программ социального развития, а также программ, определяющих цели, характер деятельности общественных организаций. На прогнозирование в таких случаях возлагается обоснование основных направлений деятель-

ности организации, предвидение возможного развития событий, связанных с этим возможных изменений в тактике поведения.

Если теоретическое социальное конструирование включает всю совокупность факторов, предшествующих практической реализации данного прогноза, то практическое социальное конструирование – это конкретное воплощение на практике научно разработанного проекта необходимых изменений социальной действительности. Содержание его составляют формы деятельности, имеющие непосредственное отношение к практической реализации теоретической модели. Сюда входят подготовительная деятельность, сам процесс воплощения теоретической конструкции, результат деятельности.

В обосновании путей общественного развития принимают участие различные общественные науки, среди которых прогнозированию отводится вполне определенная роль – осуществлять поиск возможных вариантов решения проблем, стоящих на пути достижения цели, предсказывать характер развития будущих событий, последствия тех или иных процессов. Без всестороннего комплексного подхода к изучению социальных явлений невозможен правильный прогноз. Недостаток организации деятельности нашего обществознания – в раздробленности, рассредоточенности научных кадров. Исследовательская работа на вузовских кафедрах зачастую носит самодеятельный характер. Попытки скоординировать ее из одного центра или путем создания различного рода проблемных советов, комплексных программ не дают должного результата. Требуется радикально новый подход к организации научных исследований стратегического плана. Необходим переход к созданию системы научных центров, осуществляющих комплексные исследования наиболее важных для развития страны проблем, в том числе властно-управленческих. Это позволило бы создать глубоко продуманную структуру соответствующих научных учреждений. Она должна включать подразделения, занимающиеся различными общественными науками, деятельность которых носит скоординированный, ориентированный на достижение соответствующего результата характер. При такой организации возможен дифференцированный подход к организации научно-исследовательской работы. По крайней мере, можно выделить два основных уровня: 1) стратегический – исследование наиболее важных для государства и общества проблем; 2) содержательный прогностический анализ развития регионов и их структур. Существенную роль на каждом уровне должна играть разработка путей внедрения научных рекомендаций, выработанных на основе научного прогноза.

С переходом на подобные формы научного обеспечения социального регулирования существенным образом должна измениться роль власти. Ее деятельность ставится в зависимость от научного подхода к решению социальных проблем, базирующегося на научном прогнозировании социальных процессов.

Библиографический список

1. *Антонюк Г. А.* Социальное проектирование и управление общественным развитием. Минск: Веды, 1986.
2. *Бестужев-Лада И.В.* Поисковое социологическое прогнозирование. М.: Наука, 1984.
3. *Бестужев-Лада И. В.* Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества: опыт систематизации. М.: Наука, 1987.
4. *Гринин Л.Е.* Национальный суверенитет и процессы глобализации (вводные замечания) // Полис. 2008. № 1.
5. *Ильин В. М.* Типы и разновидности политик мирового развития // Власть и демократия в условиях глобализации. Политическая наука. 2004. № 1.
6. *Кортунов С.В.* Диалектика национальной и международной безопасности: некоторые методологические проблемы // Полис. 2009. № 1.
7. *Кустарев А.* Кем и как управляется мир // Pro et Contra. Ноябрь-декабрь 2007. № 6 (39).
8. *Молчанов М.* Истоки российского кризиса: глобализация или внутренние проблемы // Полис. 1999. № 5.
9. *Панарин А. С.* Глобальное политическое прогнозирование. М: Алгоритм , 2000.
10. *Пантин В.* Сможет ли российская наука понять, что происходит в России // Pro et Contra. Весна. 2000. Т. 5.
11. *Соловьев А. И.* Коммуникация и культура: противоречия поля политики // Полис. 2002. № 6.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: НАУЧНЫЙ АСПЕКТ

.....

С.В. Новоселов¹

Ключевые слова: национальная безопасность, стратегия, угрозы, концепция.
Keywords: national security, strategy, threats, concept.

Проблема национальной безопасности России на современном этапе не теряет своей актуальности. Современная наука, формирующаяся на основе нового видения мира, располагает широкоразвитой системой знаний по проблемам обеспечения безопасности. Вместе с тем кардинальные мировоззренческие изменения по основополагающим проблемам современности с объективной необходимостью требуют пересмотра многих традиционных положений, формирования принципиально новых концепций. Наглядный пример тому – начавшееся широкое обсуждение проекта «Стратегии национальной безопасности России до 2020 г.».

Нельзя сказать, что в настоящее время в стране нет перспективного планирования. Однако концепция внешней политики, концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., законодательные инициативы правительства в сфере государственного прогнозирования и социально-экономического развития, проекты стратегий регионального развития, ряд социальных, жилищных и других национальных проектов не объединены единым замыслом, не по всем параметрам устремлены к единой цели, а главное, в них не предусмотрена необходимая концентрация организационных, интеллектуальных и материальных ресурсов на приоритетных направлениях, гарантирующих их безусловное проведение в жизнь.

Поэтому в целях гарантированного обеспечения национальной безопасности необходимо ввести практику долгосрочного стратегического планирования, которое предусматривало бы оценку перспектив развития геополитической обстановки в мире, роли и места России в международном сообществе, ее союзников и партнеров при решении как долгосрочных, так и промежуточных задач, приоритетные национальные интересы и основные направления деятель-

---

¹ Новоселов Сергей Вениаминович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Астраханского государственного университета. Эл. почта: seveno@rambler.ru

ности государства и общества по их реализации и обеспечению национальной безопасности. Эту задачу призвана решить разрабатываемая «Стратегия национальной безопасности России до 2020 г.» (далее – Стратегия).

Концептуальный замысел Стратегии в целом одобрен Президентом России, Председателем Совета безопасности России Д. Медведевым в августе 2008 г. В Послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации сформулировал основные задачи на приоритетных направлениях развития страны, в том числе и в сфере национальной безопасности, реализации которых и подчинена «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации». С учетом глубины, сложности и стратегической важности решения поставленной задачи Секретарь Совета безопасности Российской Федерации Н. Патрушев по поручению Президента России Д. Медведева в ноябре-декабре 2008 г. провел выездные совещания в федеральных округах. Обсуждался проект Стратегии. Особенно ценны в этом смысле мнения и позиции участвующих в совещании полномочных представителей Президента и глав субъектов Российской Федерации, так как будущая Стратегия во многом обращена на решение региональных проблем национальной безопасности. Работа во взаимодействии с высшим региональным управленческим корпусом России позволит более эффективно решать проблемы территориального развития страны, повысит качество государственного управления и обеспечения национальной безопасности. Обсуждение Стратегии в таком формате способствует консолидации усилий и ресурсов органов государственной власти для достижения стратегических целей развития страны и обеспечения национальной безопасности в долгосрочной перспективе.

Напомним, что термин «стратегия национальной безопасности» относительно молодой. В 1986 г. в США был принят закон, согласно которому соответствующие госорганы обязаны ежегодно представлять Конгрессу отчет о текущем состоянии дел в области безопасности. Уже в 1999 г. была обнародована американская «Стратегия национальной безопасности для нового столетия». Затем последовали инициативы администрации Дж. Буша – 20 сентября 2002 г. была представлена «Стратегия национальной безопасности США», согласно которой Соединенные Штаты наделяли себя единоличным правом бороться всеми средствами с терроризмом, попытками разработки и угрозами применения оружия массового поражения за рубежом. А поправки от 16 марта 2006 г., по сути, стали объявлением новой стратегии, суть которой сводилась к тому, что Вашингтон будет определять соответствие той или иной страны демократическим ценностям.

Работа над проектом «Стратегии национальной безопасности России до 2020 г.» началась еще в июне 2008 г. Как поясняют разработчики, Стратегия – это «политический документ, содержащий официально признанную систему политико-организационных мероприятий в области внутренней и внешней

политики, раскрывающих механизм практической реализации теоретических положений, закрепленных в Концепции национальной безопасности, и направлена на обеспечение национальной безопасности и устойчивое развитие государства на долгосрочный период» [5]. Стратегия носит более гибкий характер, чтобы иметь возможность адекватно и своевременно реагировать на возможные изменения обстановки. Стратегия содержит оценку обстановки, конкретизацию обозначенных в Концепции целей, наиболее эффективные варианты достижения целей и решения задач национальной безопасности, определение целей и финансовых средств, материально-техническое обеспечение. Кроме того, она включает характеристику и оценку угроз в различных сферах жизни общества, факторов и условий, влияющих на процесс противодействия этим угрозам.

«Стратегия является системообразующим документом стратегического планирования обеспечения национальной безопасности, в котором определяются направления функционирования системы обеспечения национальной безопасности. Она призвана увязать деятельность органов государственной власти, государственных, корпоративных и общественных организаций по защите национальных интересов Российской Федерации и обеспечению безопасности личности, общества и государства. Ключевыми направлениями обеспечения национальной безопасности являются стратегические национальные приоритеты, соотношенные с приоритетами устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации» [5].

В документе отмечается, что «Российская Федерация укрепляет национальную безопасность через совершенствование национальной обороны, государственной и общественной безопасности, становление государственности, обеспечение устойчивого экономического роста, решение социальных и демографических проблем путем социально-политических, институциональных и социально-экономических преобразований, развитие институтов гражданского общества и поддержку национальных неправительственных организаций». Высшими приоритетами Российской Федерации признаны национальная оборона, государственная и общественная безопасность.

Стратегической целью *национальной обороны* является предотвращение войн и конфликтов, а также стратегическое сдерживание (комплекс взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на снижение угрозы и предотвращение агрессивных действий со стороны какого-либо государства (коалиции государств).

Реальную угрозу военной безопасности Российской Федерации представляет политика ряда ведущих зарубежных стран, направленная на наращивание военного потенциала, получение преобладающего превосходства в стратегических ядерных силах, развитие высокоточных, информационных и других

высокотехнологичных средств ведения вооруженной борьбы, формирование глобальной стратегической ПРО и милитаризацию космоса, а также распространение ядерных, химических, биологических технологий, производство ОМУ либо его компонентов и средств доставки.

К непосредственным военным угрозам Российской Федерации относятся нарушения международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений, расширение НАТО, а также увеличение количества государств, потенциально способных реализовать ядерные программы, а также действия, направленные на срыв работы систем государственного и военного управления, нарушение функционирования стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства и обеспечения их боевой устойчивости, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов.

Российская Федерация в рамках системы обеспечения национальной безопасности сосредотачивает усилия в сфере общественной, а также экономической, социальной, духовной, информационной, экологической и международной сферах обеспечения национальной безопасности.

Стратегическая цель обеспечения национальной безопасности в сфере *государственной и общественной безопасности* обусловлена национальными интересами Российской Федерации во внутривнутриполитической сфере, к которым относятся сохранение конституционного строя, поддержание гражданского мира и национального согласия, единства правового пространства, правопорядка, а также профилактика, противодействие и ликвидация последствий проявления терроризма, политического и религиозного экстремизма, этнического сепаратизма.

В сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу особую угрозу представляет деятельность организованной транснациональной преступности террористического (в том числе технологического терроризма и кибертерроризма), экстремистского, националистического, религиозного, сепаратистского, экономического характера, разведывательная и контрразведывательная деятельность, а также иная недружественная Российской Федерации деятельность зарубежных органов, организаций и иностранных граждан, направленная на формирование угроз и нанесение ущерба национальным интересам Российской Федерации, а также негативные факторы, влияющие на обеспечение режимов Государственной границы Российской Федерации.

Стратегической целью обеспечения национальной безопасности на направлении повышения качества жизни российских граждан является радикальное снижение социального неравенства населения и стабилизация его численности в среднесрочной перспективе.

Важными источниками угроз национальной безопасности на направлении повышения качества жизни российских граждан могут стать кризисы мировой и региональных финансово-банковских систем, усиление конкуренции за дефицитные сырьевые, энергетические, водные и продовольственные ресурсы, отставание в развитии передовых технологических укладов. Все это влечет за собой стратегические риски зависимости от изменения внешних факторов.

Реализация Стратегии обеспечивается за счет консолидации усилий и ресурсов органов государственной власти Российской Федерации, гражданского общества в отстаивании национальных интересов Российской Федерации путем комплексного использования политических, организационных, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер, разработанных в рамках стратегического планирования обеспечения национальной безопасности.

Стратегия служит основополагающим документом для разработки концепций, доктрин и основ государственной политики, в которых определяются принципы, цели, задачи и меры правового, экономического, организационного и иного регулирования в сферах обеспечения национальной безопасности.

Обеспечение национальной безопасности остается центральной стратегически значимой для страны задачей. Однако в России научная и практическая разработка этих проблем идет очень медленно. В стране нет ни одного специализированного научного центра, который системно занимался бы проблемами национальной безопасности.

В современных исследованиях по вопросам национальной безопасности ясно прослеживается отсутствие фундаментальных научных проработок, понятийный аппарат характеризуются невыверенностью, разночтением многих основополагающих терминов, отсутствием четкого понимания стоящих проблем и путей их решения [7, с. 43].

Напомним, что понятие «национальная безопасность» впервые появилось в книге У. Липмана в 1943 г., а официальное признание в США получило с принятием Акта о национальной безопасности (1947 г.), на основе которого был учрежден Совет национальной безопасности. Постепенно стала формироваться концепция национальной безопасности США, поначалу в довольно размытых терминах. Потребовались десятилетия, чтобы эта концепция приобрела четко структурированный характер.

И хотя в России к формулированию национальной безопасности приступили на полвека позже, сложилась такая ситуация, что политическая практика опередила науку и вовлекла в свой оборот, в том числе и на законодательном уровне (Концепция национальной безопасности, принятая в 1997 г. в редакции Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24), весьма аморфное определение безопасности, национальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства, обеспечивающее призна-

ние, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, устойчивое социально-экономическое развитие, территориальную целостность и суверенитет государства.

Поэтому среди исследователей данной области все большее понимание находит мысль о том, что политику безопасности необходимо формулировать на категориальном уровне, применяя современные теоретические и методологические подходы.

По нашему мнению, основой данных подходов должны служить деятельность, специфическая человеческая форма активного отношения к миру, определенный тип бытия в мире. Данная политика должна исходить из целесообразного изменения и преобразования мира, целеполагающей (а значит, сознательной) активности человека как саморегулируемого поведения во внешней среде с целью самосохранения в ней посредством целесообразной адаптации к ее условиям.

А вся совокупность условий существования субъекта, которыми он овладел (постиг, усвоил, создал) в процессе его самореализации и которые он в состоянии контролировать, есть безопасность субъекта, безопасность его деятельности [4, с. 8].

Отсюда следует, что безопасность – это не состояние защищенности интересов субъекта или чье бы то ни было состояние, а контролируемые субъектом условия его существования. Находиться в безопасности – значит находиться в безопасных условиях, т. е. в таких, которые субъект в состоянии контролировать в процессе своей деятельности, в процессе своей самореализации. Иными словами, безопасность – это безопасность деятельности [3, с. 121].

В общем виде понятие «безопасность» означает отсутствие обстоятельств или факторов, способных прервать существование той или иной системы в том или ином значимом качестве, т. е. нанести ей ущерб [6, с. 74].

Отметим и другие недостатки рассматриваемой Стратегии и попытаемся сформулировать ряд предложений.

Во-первых, в документе отмечается, что Россия укрепляет национальную безопасность через совершенствование национальной обороны, государственной и общественной безопасности. Если с национальной обороной все понятно, то государственная и общественная безопасность требует конкретизации.

Во-вторых, следует уточнить, какая безопасность приоритетнее: национальная или государственная. Напомним, что нация создает государство для повышения своей жизнестойкости. Следовательно, она всегда выше государства и вправе изменять его конституционный строй, если он не соответствует обозначенной цели. Отсюда выводы: а) в современной России необходимо не только различать национальную и государственную безопасность, но и проявлять крайнюю осмотрительность при попытках их отождествления, подмены

и противопоставления; б) национальная (общенародная) безопасность всегда выше безопасности государственной, а не наоборот [1, с. 12].

В-третьих, существенным недостатком Стратегии национальной безопасности мы считаем то, что, обеспечение национальной безопасности рассматривается как прерогатива исключительно силовых, правоохранительных органов. Для граждан и общества не определены их обязанности и ответственность. Но обеспечить национальную безопасность возможно лишь всей мощью государства, всех его структур. Ни правоохранительные органы в области внутренней безопасности, ни Вооруженные Силы в деле защиты Отечества не смогут успешно решать свои задачи без поддержки народа, общества и каждого гражданина. Отсутствие ответственности и опоры центральной власти в низах существенно ослабляет безопасность страны.

В-четвертых, в условиях глобализации, интернационализации общественной жизни и осуществления преимущественно скрытых способов политической и экономической экспансии грань между внутренними и внешними угрозами стирается. Однако специфика обеспечения внешней и внутренней безопасности сохраняется, ибо существенно различаются формы и способы их обеспечения. Все это говорит о том, что по всем вопросам национальной безопасности требуется системная научная разработка проблем противоборства невоенными средствами, подготовка соответствующих кадров широкого профиля и практическое овладение всеми формами борьбы [2].

Кроме того, необходимо создание вневедомственного центра, способного координировать научные исследования по всему спектру проблем национальной безопасности страны.

По нашему мнению, в вопросах обеспечения национальной безопасности следует выделить и конкретизировать наиболее важные вопросы для федерального центра и регионов.

Для реализации комплекса оперативных и долговременных мер по предотвращению угроз национальной безопасности с широким привлечением научного сообщества необходимо разработать систему документов стратегического планирования обеспечения национальной безопасности на региональном уровне. В целях принятия важнейших управленческих решений информационная и информационно-аналитическая поддержка реализации региональной Стратегии должна осуществляться за счет создания в органах государственной власти субъектов ситуационных центров.

С нашей точки зрения, в региональную Стратегию необходимо ввести обобщенные целевые показатели стратегических национальных приоритетов, которые в среднесрочной и долгосрочной перспективе характеризовали бы уровень жизни граждан, состояние экономики, окружающей среды, социальной

сферы, и через эти целевые показатели осуществлять контроль за состоянием национальной безопасности и меры по ее укреплению.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что и в условиях новой реальности научное сообщество должно продолжать активную деятельность по разработке и внедрению результатов исследований по проблемам безопасности российского общества, государства и личности.

Библиографический список

1. *Белов П.Г.* Методологические аспекты национальной безопасности России. М.: ФЦНТП «Безопасность», 2002.
2. *Гареев М.* Россия должна снова стать великой державой. Необходимо ввести практику долгосрочного стратегического планирования // Военно-промышленный курьер. 2008. 16–22 янв. № 2 (218).
3. *Данько А.В.* Безопасность государства, общества и личности // Сборник научных трудов кафедры управления и информатики. М.: ДА МИД России, 2002.
4. *Иващенко Г.В.* О понятии «безопасность» // Credo. 2000. № 4 (22).
5. О проекте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/367.html>
6. *Сергунин А.А.* Эволюция понятия «безопасность» в теории международных отношений // Язык. Культура. Деятельность: Восток – Запад: тез. докл. участников Междунар. науч. конф. Набережные Челны; Н. Новгород: Изд-во ин-та управления, 2002.
7. *Спасский Н.* Концепция национальной безопасности России станет для власти программой действий // Вопросы безопасности. 2004. Ноябрь. № 11(155).

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В КАЗАХСТАНЕ

.....

Г.О. Насимова¹

Ключевые слова: конфликты, экономическая ситуация, политическая ситуация, протест. **Keywords:** conflicts, the economic situation, political situation, the protest.

Как свидетельствует мировой опыт, страны, находящиеся на пути социально-экономической и политической модернизации, подвержены повышению уровня социальной напряженности и возникновению многочисленных конфликтов. Необходимо отметить, что Республика Казахстан имеет немалый опыт в сфере предотвращения деструктивных политических конфликтов, который высоко оценивается мировым сообществом. Вместе с тем процесс модернизации в Казахстане порождает проблемы эффективного управления конфликтами, обеспечения легально-конституционных способов всестороннего реформирования общества.

Как известно, основной метод выявления причин социальной напряженности – анализ общественного мнения. Поэтому мы будем опираться на социологические исследования, проведенные как казахскими социологами, так и автором статьи.

В 2008 г. автор провела экспертный опрос с целью выявления особенностей конфликтов в Казахстане и выработке рекомендаций по их предотвращению и урегулированию. Выборка проводилась по профессиональному статусу экспертов. Всего было опрошено 80 экспертов, в том числе госслужащие (31,2 %), представители НПО (9,7 %), представители политических партий (10,1 %), работники силовых структур (10 %), сотрудники научно-аналитических центров (17,9 %), преподаватели вузов (21,1 %). На наш взгляд, данный экспертный опрос позволил выявить степень угрозы конфликтов и уровень социальной напряженности в казахстанском обществе.

Мировая наука предлагает различные методы и системы, позволяющие измерить уровень социальной напряженности (по статистическим данным, са-

---

¹ Насимова Гульнар Орленбаевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Казахского национального университета им. аль-Фараби. Эл. почта: nasimova@mail.ru

моотчетам респондентов и др). Заслуживают внимания предлагаемые российскими исследователями два критерия измерения уровня политической напряженности в обществе. Во-первых, доля граждан, выступающих за кардинальное изменение политической системы, должна составить более 40 %. Во-вторых, критический показатель уровня доверия населения к органам государственной власти должен быть выше 30–35 %. Эти показатели сигнализируют о неприемлемости для граждан происходящих политических реформ. Вместе с тем для определения уровня социальной напряженности в Казахстане необходимо исследовать ряд параметров.

1. Необходимо выявить степень удовлетворения жизненно важных потребностей людей, ожидания решений проблем, затрагивающих их интересы. В рамках данного исследования обязательно должны учитываться показатели состояния сферы общественного бытия, условия жизни людей.

Оценка населением современной экономической ситуации. Казахскими социологами отмечен рост числа граждан, в целом позитивно воспринимающих проводимый в стране курс реформ. Если в октябре 1999 г. этот показатель равнялся 41,6 %, в сентябре 2000 г. – 47,6 %, то в ноябре 2003 г. он уже составил 70,3 %. Данная категория опрошенных граждан страны в целом позитивно оценивает современное развитие Казахстана. Лишь 10,4 % опрошенных граждан считают, что страна развивается в «неправильном направлении». Тот факт, что большинство населения в целом позитивно воспринимают проводимый в стране курс реформ, в основном эксперты связывают с социально-экономическими преобразованиями. В частности, 50,7 % опрошенных граждан страны полагают, что экономическая ситуация в Казахстане улучшается. Кроме того, в общественном мнении присутствуют в целом позитивные оценки в отношении своего нынешнего уровня жизни. Так, 33,4 % опрошенных граждан страны отметили, что сейчас живут лучше, чем 2–3 года назад. О том, что их уровень жизни не изменился, не стал и не лучше, и не хуже, заявили 45,0 % респондентов. Об ухудшении своего материального положения заявили 18,9 % [5].

Определенное улучшение основных показателей социально-экономического самочувствия населения страны остается одним из главных факторов, способствующих сохранению довольно низкого уровня социальной конфликтности в казахстанском обществе. При этом, как показывают результаты социологических исследований, социальные конфликты возникают в основном на почве противоречий, имеющих место в сфере коммунального обслуживания населения, языковой сфере и области трудовых отношений [4].

Конфликты в других сферах жизнедеятельности общества происходят с меньшей частотой и не оказывают решающего влияния на состояние социальной стабильности в стране. Исследователи считают, что эти конфликты не носят прямой политической направленности и в основном происходят на локальном уровне.

Однако, несмотря на экономический рост, основными причинами социальной напряженности в Казахстане остаются по-прежнему *бедность и безработица*. Если говорить о существующих предпосылках развития бедности, то здесь встают проблемы депрессивного состояния малых городов, проблема села, жилищные проблемы, экология, здравоохранение, коррупция местных властей. При этом бедность превалирует в сельской местности, поскольку возможности сельчан для получения денежных доходов ограничены, а продуктивность их производства низкая.

Как известно, модернизация предполагает обновление общества, а последствия обновлений всегда неоднозначны. Неоднозначна и реакция граждан на них. Будучи для одних источником оптимизма и надежд на улучшение жизни, у других они вызывают состояние депривации. Появившийся разрыв между бедными и богатыми, экономическое неравенство становятся заметными раздражителями, приводя к проявлениям социального недовольства.

Кандидат экономических наук К. Берентаев отмечает, что уровень зарегистрированной безработицы ниже, чем в большинстве развитых стран мира. В то же время эксперт считает, что уровень и качество жизни казахстанского народа – в целом не коррелируются с темпами экономического роста. Сохраняются резкие различия в оплате труда работников одинаковой квалификации, занятых в различных отраслях производства, существенные различия в уровне денежных доходов горожан и сельских жителей, между жителями различных областей, крупных и малых городов, что приводит к резкому социальному расслоению общества как в региональном, так и в отраслевом разрезе [1]. В этой связи можно утверждать, что определенная часть населения недовольна своим материальным положением, болезненно воспринимает смену своего социального статуса.

Таким образом, первоочередными проблемами, которые требуют решения, казахстанские граждане называют социальные проблемы, повышение качества жизни, занятость и трудоустройство.

Оценка населением современной политической ситуации. Исследование показало, что 36,6 % граждан критически относятся к происходящим в стране политическим реформам, 30,0 % опрошенных придерживаются более оптимистической точки зрения, отмечая, что «страна постепенно движется к настоящему демократическому обществу». Доли респондентов с позициями «уже можно говорить о построении демократического общества в Казахстане» и «политическая система нашего общества не имеет ничего общего с демократией» соответственно – 9,9 и 9,4 %. Каждый седьмой из опрошенных затруднился ответить на поставленный вопрос (14,1 %) [2].

Теперь попытаемся выяснить, насколько реально граждане Казахстана оценивают свои шансы по оказанию непосредственного влияния на власть, и какие каналы влияния, с их точки зрения, наиболее эффективны. Две трети

опрошенных дали отрицательный ответ на вопрос о том, могут ли простые люди повлиять на власть (63,8 %). Каждый десятый респондент затруднился ответить на поставленный вопрос (11,5 %). Доля тех, кто считает, что простые люди могут оказать влияние на власть, составила 24,7 %, или каждый четвертый из опрошенных жителей страны. Среди вероятных каналов влияния на власть в качестве наиболее эффективных, респонденты отдали предпочтение институциональным формам проявления политической активности, а именно: участию в голосовании на выборах (59,2 %), обращениям в СМИ (31,7 %) и участию в деятельности политических партий (25,2 %). Активный протест посредством участия в забастовках и митингах как способ оказания влияния на власть по степени эффективности оказался в одном ряду с возможностью обратиться в суд (17,9 и 16,1 % соответственно).

Одним из определяющих факторов политической стабильности общества является доверие населения к органам государственной власти. Результаты нашего экспертного опроса, отражены в таблице.

Уровень доверия населения к институтам государства и гражданского общества

Институты государства и гражданского общества	Уровень доверия, балл (от 0 до 10)
Органы государственной власти	6
Оппозиционные СМИ	4
Лидеры пропрезидентских политических партий	4
Представители оппозиционных партий	3
Проправительственные СМИ	4
Представители бизнес-структур	2
Профсоюзы	1

Таким образом, результаты экспертного опроса показали, что уровень доверия населения к органам государственной власти невысок. Это дает нам основание сделать вывод о необходимости упрочения политического доверия путем широкомасштабных действий в социально-экономической сфере, активизации демократических институтов, создания новых механизмов участия граждан в контроле над деятельностью чиновников.

На современном этапе государство должно направить свои усилия на решение именно социально-экономических проблем, особенно бедных слоев общества, для которых многие необходимые блага сегодня стали недоступными, а от социально-экономических реформ они не получили ожидаемого благополучия. При этом главная задача государства состоит в сдерживании роста неравенства посредством перераспределения ресурсов в пользу бедных, что, безусловно, предотвратит возникновение деструктивных социально-политических конфликтов.

2. Необходимо определить показатели готовности граждан к неконвенциональным типам участия, протестным действиям, выражаемые прежде всего через личную настроенность на открытое выступление против органов власти.

Протест – это определенная форма активных коллективных или индивидуальных действий граждан с целью демонстрации неодобрения тех или иных политических решений, изменения существующей социально-политической реальности. Безусловно, наибольшую угрозу для политической системы представляют не индивидуальные, а коллективные действия масс, так как последние, приобретая манифестационную форму, нередко могут проявляться в виде агрессии и насилия.

Мотивы общественного протеста отражают потребности населения их ценностные и политические ориентации. Его развитие прежде всего обусловлено социально-экономическими факторами. Однако происходящие в республике глубокие изменения в социально-экономической и политической сферах вносят значительные коррективы в процесс развития общественного мировоззрения масс, поэтому в настоящее время вполне могут появиться и другие мотивы протестных действий.

В рамках данной проблемы следует обратить внимание и на такой феномен, как состояние или чувство протеста, которое еще не реализовалось в каком-либо активном действии. Данную форму протеста можно назвать пассивной. Опасность пассивной формы социального протеста заключается в том, что граждане чаще всего демонстрируют готовность поддержать любую политическую силу, чья деятельность будет идти вразрез с политикой власти. Поэтому анализ данной проблемы должен быть связан с исследованием психологии масс, их мотивов поведения, формированием протестного настроения, что позволит выявить факторы, способствующие накоплению социального раздражения и недовольства. В этой связи трудно не согласиться с тем, что причины, детерминирующие протест, связаны и со сферой общественного сознания населения. Исходя из этого, автор выдвигает вопрос: реальна ли угроза стихийных акций массового протеста? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выявить критерии акции массового протеста. Специалисты выделяют три критерия: 1) акции протеста должны проходить в нескольких городах или населенных пунктах; 2) протест должен касаться интересов или прав массовой категории граждан; 3) в акциях протеста должны принимать участие представители этих самых массовых категорий [3].

На наш взгляд, необходимо учесть еще один критерий – акции массового протеста во всех городах должны проходить одновременно. Иными словами, *акции массового протеста – это организованные в единое движение публичные действия населения с целью демонстрации неприятия, неодобрения тех или иных действий или решений властных органов.* Можно утверждать, что

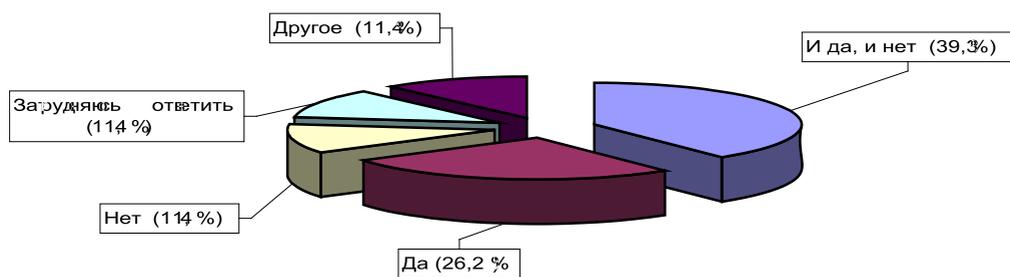

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, готовы ли казахстанские граждане принять участие в акциях социального протеста в случае, если их права будут ущемлены?»

в казахстанском обществе все эти признаки не наблюдаются. Поэтому в Казахстане акции протеста вряд ли приобретут масштабный характер, поскольку казахстанские граждане не ориентированы на проявление той или иной разновидности деструктивной активности, а социальное недовольство сохраняет локальный характер. Более того, нам представляется, что определенная часть граждан в качестве жизненной стратегии рассматривает вынужденную адаптацию к сложившимся реальным обстоятельствам.

Однако из способности населения адаптироваться к сложным условиям нельзя создавать некую ценность, поскольку эта адаптация вынуждена и не может продолжаться долго. Люди, интересы которых ущемлены, рано или поздно приходят к мысли о необходимости их защиты силовым путем, поскольку, как мы уже отмечали, общественное сознание и политическое поведение претерпевают кардинальные изменения.

Способность к активным действиям казахстанского населения рассматривалась и в исследовании, проведенном автором (рис. 1).

Результаты данного опроса служат тревожным сигналом, поскольку большинство экспертов не исключают возможность массового протеста. В этой связи необходимо предвидеть причины данного явления. В ходе проведенного экспертного опроса автором выявлены основные проблемы, факторы и причины возникновения социально-политических конфликтов, их влияние на политический процесс в Республике Казахстан. Были установлены основные факторы и причины возникновения политических конфликтов: являются жилищный вопрос, коррупция среди чиновников (по 7 баллов), рост цен на тепло, воду, газ, электроэнергию, безработица, дороговизна продуктовых и промышленных товаров (по 6 баллов).

На современном этапе в Казахстане отсутствуют политические конфликты деструктивного характера, о чем свидетельствуют результаты экспертного опроса. Так, 29,9 % экспертов считают, что в Казахстане существуют трудовые конфликты, 16,1 % – правовые, 13,8 % – экономические, 13,6 % – мигрант-

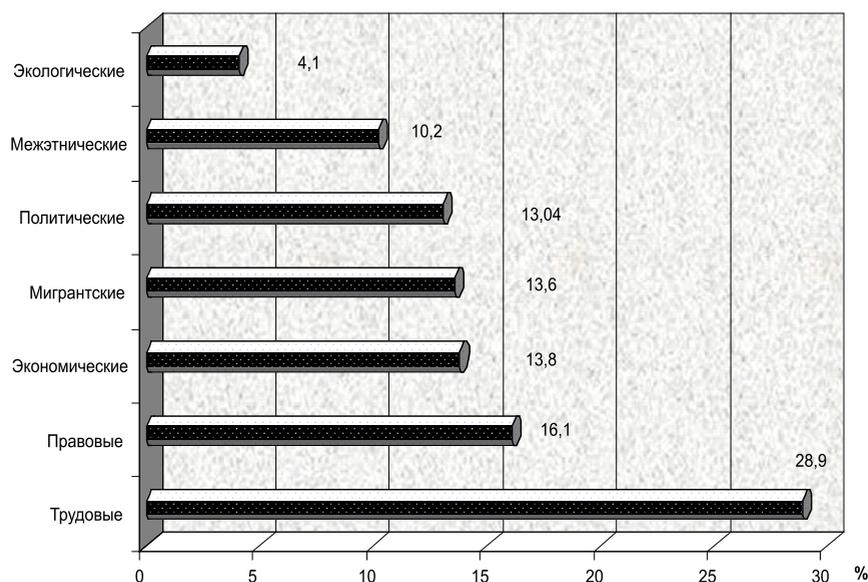

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какие, на Ваш взгляд, конфликты имеют место в Казахстане на сегодняшний день?»

ские конфликты. С утверждением, что в республике имеют место политические конфликты, согласились лишь 13 % экспертов (рис. 2). Таким образом, по мнению большинства экспертов, все перечисленные конфликты в основном происходят на локальном уровне и не носят разрушительного характера.

Социальная напряженность является естественной защитной реакцией любого общества. Так, в последнее время казахстанцы демонстрируют свою готовность к активным легитимным действиям, особенно к защите собственных интересов, что служит не столько индикатором нестабильности общества, сколько показателем существования легальных механизмов для отстаивания своих гражданских прав. Достаточно вспомнить недовольство населения решением власти о запрете эксплуатации автомобилей с правым расположением руля. Однако превышение определенного критического уровня социальной напряженности может привести к нарушению механизмов саморегуляции, ухудшению функционирования подсистем общества и ее трансформации.

Поэтому важно вовремя регулировать социально-политическую напряженность в обществе, использовать различные технологии снижения деструктивной активности. Безусловно, это сложный процесс, особенно когда имеют место латентные признаки конфликтности. Необходимо находить ресурсы для снижения уровня социальной напряженности, своевременно использовать существующие конфликты в качестве действенных катализаторов развития общества. Многое зависит от политического руководства страны, их техноло-

гий управления, стратегии развития социально-экономических и политических отношений.

Исследуя уровень социальной конфликтности современного казахстанского общества, можно сделать следующие выводы.

За годы социально-экономических и политических реформ большинством казахстанских граждан накоплен огромный опыт выживания в самых трудных ситуациях. Сейчас, когда большинство граждан начало ощущать результаты этих реформ, подтолкнуть их на активный протест и решительно скоординированные действия в масштабах всей страны даже заинтересованным в этом политическим силам будет трудно. Большинство казахстанских граждан не доверяют оппозиционным политическим партиям, поэтому аккумулировать протестный потенциал общества в ближайшем будущем им не удастся. Иначе говоря, в настоящее время опасности всеобщего социального взрыва, крайних форм социального протеста в Казахстане не существует.

Вместе с тем показатель уровня доверия населения к органам государственной власти сигнализирует о необходимости совершенствования технологий раннего предотвращения политических конфликтов, механизмов повышения уровня легитимности власти. Для этого необходимо сконцентрировать усилия на решении основных задач:

- осуществлении социальных реформ, направленных на снижение конфликтности в казахстанском обществе;
- создании условий для развития институтов, регулирующих конфликты;
- повышении роли гражданского общества в предотвращении и урегулировании политических конфликтов, совершенствовании механизмов взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества в данном направлении;
- укреплении сети правозащитных организаций, формировании культуры предотвращения конфликтов.

Библиографический список

1. Берентаев К. Качественных изменений не произойдет // Свобода слова. 2007. 11 янв.
2. Выборы-2004 в Казахстане: шаг за шагом / под ред. Г.Т. Илеуовой, Д.Р. Ашимбаева. Алматы: Credo, 2005.
3. Клиш Б. Один процент протестующих – это много // Известия. 2005. 26 янв.
4. Современные демократические преобразования в Республике Казахстан / под ред. Б.К. Султанова. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований, 2008.
5. Шоманов А. О некоторых аспектах обеспечения социальной стабильности в Казахстане // Аналитик. 2005. № 2.

ПОРЯДОК ЗАНЯТИЯ ВЫСШЕГО ПОСТА В СИСТЕМЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

.....

С.В. Дмитрук¹

Ключевые слова: исполнительная власть, глава государства, республика, монархия, выборы. **Keywords:** executive power, head of state, republic, monarchy, elections.

Исполнительная власть в большинстве стран мира сегодня имеет наибольшее влияние. Поэтому по-прежнему важным с научной точки зрения остаётся изучение самого процесса прихода политиков в исполнительную власть, и в первую очередь на высшие посты.

В современных демократиях формирование высших органов государственной исполнительной власти происходит посредством выборов. Как механизм смены власти они представляют собой важный этап в истории страны и в жизни её граждан, вот почему выборы осуществляются профессионалами с привлечением огромных финансовых ресурсов. Спектр политических технологий ограничивается специальными законодательными нормами, которые подробно прописывают «правила игры» кандидатов и их команд. По ключевым пунктам законы различных стран о выборах очень похожи, но есть и немало различий. Например, одни только законы могут многое сказать о той или иной политической системе, о положении электората и оппозиции, об открытости, прозрачности выборов, о наличии или отсутствии в стране базовых стандартов демократии при проведении голосования.

В данной статье внимание акцентируется именно на институциональном аспекте смены, на способах прихода новых лиц на высший пост исполнительной власти, порядке формирования специальных политических институтов, непосредственно определяющих главу государства или правительства.

Приход новых глав государств может происходить и без всенародного голосования. Например, в результате государственного переворота, передачи

---

¹ Дмитрук Сергей Владимирович – аспирант кафедры государственной политики и государственного управления факультета управления и психологии КубГУ. Эл. почта: dmitruksergey@mail.ru

высшей исполнительной власти по наследству или назначения правителя по воле узкой группы лиц и даже одного человека. Хотя в этом задействовано, как правило, небольшое число участников, любое из указанных событий не менее важно для населения, поэтому рассмотрим институциональные моменты и при неэлекторальной смене глав высшей исполнительной власти.

В республиках, где институт президентства занимает более значимое положение по сравнению с парламентом, главу государства избирает население в ходе всеобщих прямых и равных выборов. Следовательно, законодательная власть прямо не влияет на это. Лишь суд и избирательный комитет вправе скорректировать результаты голосования, но это происходит в исключительных случаях. Обычно победу определяют популярность кандидата, его умелая избирательная кампания и правильное применение избирательных технологий.

Существуют некоторые специально создаваемые политические институты, которые созываются для того, чтобы самим избрать главу государства (системы выборщиков). Наиболее известна её американская разновидность, когда от каждого штата за победившего там кандидата отдаются все голоса выборщиков, т. е. они уже не избирают, а автоматически передают свои голоса. Таким образом, голосуют в США не за человека, а за «палочку» или процент. Один из плюсов такой процедуры – выборщик не своевольно избирает кого угодно, а выражает волю большей части населения штата.

Существует почти десяток альтернативных вариантов избрания американского президента, но все попытки реформировать систему терпели неудачу: законодательные дополнения (участие в выборах женщин и цветного населения, снижение возрастного ценза до 18 лет) не подорвали основ этой процедуры избрания, так как носили общемировой характер.

Одна из главных причин живучести этого способа избрания – приверженность всего североамериканского законодательства англо-саксонской системе с её жёсткостью правовых актов и господством в судебной практике права прецедента. Подавляющая часть законодательных актов США представляет собой поправки к поправкам, поправки нескольких порядков, которые фиксируются как отдельные документы, что и позволяет оставить «священную корову» (текст конституции) неизменным [8].

Прецедент, становясь обычаем, диктует правила. Например, лишь Франклин Д. Рузвельт становился президентом более двух раз, да и то в поворотные для США годы. Следуя традиции, лишь недавно ставшей правовой нормой, выборщики отдают свои голоса кандидату, победившему в пределах их штата (такие законы существуют далеко ещё не во всех штатах).

Ещё одним основанием служит неоднородность штатов (единиц федерации) в социально-экономическом и политическом плане. Одна часть страны

является республиканской «вотчиной» (прежде всего Средний Запад, Техас). Местным фермерам по душе господдержка сельского хозяйства и ключевых отраслей экономики, свободная продажа оружия и пр. Другая часть страны привержена идеям демократов. При обычном прямом голосовании страна оказалась бы просто расколота идеологически: реальная агитация проводилась бы только в политически нейтральных штатах. Но благодаря мажоритарной системе в субъектах федерации оппозиция набирает минимум треть голосов и почти везде у партий есть значительная поддержка. Последнее «усредняет» страну, делает её более однородной, что выгодно для исполнительной власти.

Наконец, запутанная процедура избрания становится для СМИ крайне прибыльной. Борьба за каждые полштата плюс один голос вынуждает кандидатов вести интенсивную информационную политику. Растёт размер избирательных фондов, основная их часть уходит на телевизионные ролики и содержание команды кандидата. Удивительно, но именно СМИ и специалистам в области PR наиболее выгодны выборы, причём многоступенчатые. Очень вероятно, что за многими сенаторами и конгрессменами стоят американские медиаимперии, которые не настроены упрощать избирательную систему США. Косвенным доказательством сказанного может служить противоположная ситуация в Соединённом Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, стране с англо-саксонской традицией. По закону королева назначает главой исполнительной власти лидера победившей на парламентских выборах партии. Столь простой способ прихода на высшую государственную должность (победил на парламентских выборах – возглавил и правительство), казалось бы, должен подталкивать конкурентов к ожесточённой борьбе за голоса электората и как следствие – к чрезвычайно интересной избирательной кампании. Но такого ажиотажа, как в США, не происходит. Почему? Вероятно, потому, что сначала это выборы в парламент, а уже после – определение будущего главы правительства. Дело в том, что легислатура в большинстве стран формируется на пропорциональной основе. Следовательно, партия-победитель может набрать и 60, и 50, и 30–35 %. И всё равно именно она будет формировать состав правительства первой (если не предусмотрено иное) [7, 11]. В этом случае для партии-фаворита главное – не пропустить соперников вперёд. Нет необходимости бороться за каждый голос, можно заручиться поддержкой отдельного слоя общества или населения отдельной части страны. Как правило, для победы хватает 35–40 % голосов. Есть право на ошибку: даже если партия не получает первенства, она может рассчитывать на ключевые посты в кабинете министров при вхождении в правящую коалицию на выгодных условиях, т. е. бороться за половину электората и больше не обязательно. Важнее уметь договориться в самом парламенте с другими партиями о распределении портфелей. Поэтому значимость избирательной кампании отходит на второй план. Выборы, как правило, проходят в более спокойной обстановке, с меньшим вниманием со стороны иностранных наблюдателей и СМИ. Таково ещё одно возможное объ-

яснение повышенного интереса СМИ и населения к президентским, а не парламентским избирательным кампаниям.

Персонифицируя и упрощая политику, избиратель голосует за конкретное лицо (как кажется). Не нужно изучать предвыборные программы партий (с виду эфемерных, с малознакомыми представителями). И эти тенденции «помогают» людям, далёким от политики, если не ориентироваться в ней, то хотя бы определиться со своим выбором во время голосования. Впрочем, в обществе с укоренившимися демократическими правами и свободами преобладают самостоятельные и социально и политически активные граждане.

Однако к примеру, высший законодательный орган власти Китайской Народной Республики (Всеитайское собрание народных представителей), избирающий главу государства, формально не имеет обязательств, за кого голосовать. По итогам всеобщих выборов формируется система представителей. Только от их воли зависит, кто станет первым лицом государства. И хотя в Китае победитель наверняка известен большинству народных представителей заранее, причины выдвижения того или иного кандидата бывают не известны обывателю, причем, как и личность самого кандидата. Возникает серьёзный вопрос: а насколько хорошо местное население разбирается в политике, хотя бы в пределах своей страны и, вообще, интересуется ли происходящим во власти. При отрицательном ответе, вероятно, можно говорить о некомпетентности граждан в таких вопросах. Вот, наверное, почему такую важную задачу, как выборы будущего главы Китая, решает в конечном счёте небольшое число лиц.

Каждый срок пребывания на постах председателя и заместителя председателя Китайской Народной Республики соответствует сроку полномочий Всеитайского собрания народных представителей (пять лет); одно лицо не может занимать пост председателя или заместителя КНР более двух сроков подряд. Это не только избавляет страну от пожизненного диктата одного правителя, но и исключает (хотя бы, в теории) внесудебные преследования и расправы над неугодными депутатами, не переизбравшими главу государства на новый срок. И, наоборот, новый лидер не будет подавлять всякое инакомыслие в парламенте, так как сам только что был избран этими депутатами-единомышленниками. Получается, что депутаты избирают главу государства для себя, пока работают сами [15].

В парламентских республиках и конституционных монархиях формальный глава государства и глава исполнительной власти не одно и то же лицо. Руководит страной в основном председатель правительства [12]. Глава же государства имеет существенно меньший объём полномочий. Интерес к его выборам и вообще к его личности среди населения значительно уступает авторитету премьер-министра, как, например, в Индии [5], Италии [6], Федеративной Республике Германии [10], Австрии [14]. Таким образом, смена реального руко-

водства государством в парламентских республиках и конституционных монархиях напрямую сопряжена с выборами в высший законодательный орган власти.

Несколько иная ситуация наблюдается в полупрезидентских республиках, где реальная исполнительная власть находится в руках и парламента, и президента [9]. И там, где назначение главы государства не зависит от легислатуры, больший интерес среди населения наблюдается к президентским, а не к парламентским выборам (даже несмотря на серьёзную зависимость первого лица государства от законодательной власти). Парламентарии не только контролируют совместно с президентом деятельность правительства, но и наделены таким механизмом контроля, как право импичмента. Естественно, что такой механизм смены верховной власти в республиках с доминирующим положением президента не работает в полном объеме. Президент может быть почти уверен, что за свои внешне- или внутривнутриполитические просчёты он пост не потеряет: скорее, в качестве жеста доброй воли он отправит в отставку неугодных общественности министров. Немногое, что достигается, – это кажущиеся открытость лидера страны к диалогу с оппозицией, его готовность обращаться по ключевым вопросам ко мнению народа. Часто этот ход срабатывает: удаётся если не полностью успокоить общество, то хотя бы отложить решение острых проблем, выиграть время. В итоге смещение отдельных лиц в правительстве является одним из распространённых и эффективных способов «сильного» президента сохранить собственную власть. К тому же президент сохраняет личный рейтинг доверия, что помогает бороться за высший пост уже на следующих выборах. Поэтому мы рассматриваем отстранение от должности кого-либо из команды президента не как предвестника досрочного ухода и первого лица государства, а как его стремление во что бы то ни стало сохранить власть в своих руках.

Если же процедура импичмента запущена и для этого есть серьёзные основания, тогда, скорее всего, судьба президента предрешена. Если ему действительно есть что скрывать, он выбирает один из двух вариантов поведения: или ждёт, чем закончится разбирательство (при этом он пытается обелить себя и оказать давление на следствие), или добровольно уходит в отставку. Первый вариант более рискован и грозит полным разоблачением политика. Впоследствии ему придется уйти из политики. Если человек добровольно покидает свой пост, это говорит о его желании на время «выйти из игры» с наименьшими потерями, сохранить лицо и, возможно, вернуться в политику. Именно процедура импичмента представляет собой сравнительно действенный механизм смены высшей власти. Следует помнить, что, во-первых, это встречается гораздо реже выборов; во-вторых, его применение эффективно лишь в исключительных случаях, когда налицо факт преступления со стороны президента. А это подразумевает подлинную зрелость судебной и законодательной ветвей

власти. Следовательно, явление импичмента – это ещё и показатель развития демократии в стране. Если такие базовые ценности, как свобода слова, мысли и печати, принцип разделения властей, соблюдаются, то эту процедуру следует рассматривать как отвечающий интересам общества акт. В противном случае она либо превращается в шантаж, политическую расправу, либо в фикцию. Последнее случается чаще, так как свергнуть с власти силой проще, быстрее и эффективнее, чем проводить многомесячное и малопредсказуемое расследование.

В истории послевоенной Европы пока существует только единственный случай законного отрешения действующего президента от власти. Весной 2004 г., после годичного расследования, Конституционный суд Литвы признал Р. Паксаса виновным по трём эпизодам (в том числе в разглашении государственной тайны) и досрочно отстранил его от должности. Р. Паксасу было запрещено участвовать в президентских выборах в качестве кандидата и занимать некоторые государственные посты. Обвиняемый подал апелляцию и через несколько месяцев был полностью оправдан по всем пунктам. Невиданный случай в истории Европы. Налицо неоправданное отстранение главы государства от власти. А первоначальное единодушие законодательных и судебных органов в 2003 и первой половине 2004 г. больше походит на опалу времён дворцовых переворотов. Как видно, противозаконно сместить президента с поста законными средствами можно даже в стране, считающейся демократической. Но дело Р. Паксаса свидетельствует о сдвигах на пути к демократизации общества и государства: истина всё же была найдена и все гонения окончились для обвиняемого лишь потерей поста. Он даже продолжил политическую карьеру [13].

Иная ситуация со сменой главы исполнительной власти наблюдается на европейском континенте в парламентских республиках. Как и в конституционных парламентских монархиях, реальным правителем является премьер-министр (председатель кабинета министров и т. п.). Однако кандидата на эту должность не избирают всенародно, а фактически назначают. После парламентских выборов и консультаций победивших партий, ими достигается договорённость о распределении министерских портфелей. Пост премьер-министра чаще всего отдаётся представителю самой многочисленной фракции. По сути, эти договорённости – лишь джентльменское соглашение, они не имеют юридической силы. Во-первых, так как консультации по указанным вопросам проводятся в крайне усечённом составе (по два человека от каждой фракции) и не отражают мнения каждого парламентария. Во-вторых, во время голосования по единой кандидатуре никто не обязывает депутата отдавать свой голос за или против. И, главное, кандидатуру председателя правительства предлагает всё-таки глава государства, а не переговорщики. Далее возможный премьер-министр объявляет состав кабинета. А вот парламент волен одобрить

или отклонить проект правительства. Последнее встречается тем чаще, чем более отдалён от законодателей и мнения народа глава государства в своём выборе (если, правда, страной не правит авторитарный лидер или парламентарии не являются его марионетками).

Подобное происходит в периоды, когда законодательный орган служит ареной яростной политической борьбы между антагонистическими фракциями при господстве в обществе противоположных настроений. Широко известен правительственный кризис в Бельгии, когда в течение девяти месяцев парламент не мог избрать новый состав кабинета министров. Языковое разделение страны благоприятствует идеям дезинтеграции: некоторые политики из экономически развитой Фландрии высказываются за разделение Бельгии на два государства. С июня 2007 г. партия Ива Летерма «Христианские демократы и фламандцы» не могла сформировать правительство [2]. Консенсус был найден в марте 2008 г., как только из договора о создании коалиции был убран пункт о перераспределении полномочий между центром и регионами [1]. Бельгийский кризис демонстрирует пример крайне затяжной смены главы исполнительной власти. Но отметим, что всё происходило в мирном русле, в соответствии с конституционными процедурами.

Каждая избирательная система имеет свои особенности. Сравним общенациональные выборы российских президентов с опосредованным избранием президентов Италии депутатами. Главы правительств в большинстве стран одобряются парламентами по представлению главы государства. Эти отличительные черты прямо отражаются на наборе полномочий главы государства и на соотношении его власти с властью законодательной и исполнительной. Именно поэтому население стран имеет неодинаковые возможности повлиять на приход того или иного лица на высший государственный пост. Каждый из вариантов смены власти должен отвечать таким демократическим принципам, как выборность (на альтернативной основе или же в форме одобрения парламентом), публичность (кандидаты и их предвыборные программы известны избирателю), свобода выбора, сменяемость и система сдержек и противовесов. И если все процедуры проходят в спокойном русле – значит они отражают принятые в обществе нормы.

Существуют и неэлекторальные способы смены глав исполнительной власти: назначение, наследование, переворот. Назначение отличается от наследования тем, что если наследник получает власть непосредственно от главы этого же государства, то назначить его по своей воле может не только местный правитель, но и специальный иностранный институт или даже лидер другого государства.

В Ватикане нового Папу Римского избирают тайным голосованием на особом заседании (конклавом кардиналов). Назначением это можно назвать, потому что собственно списка кандидатов нет: кардинал может написать имя лю-

бого, выбор зависит в основном от личных соображений. Пока не появится новый суверен, верховная власть временно принадлежит Священной коллегии (кардиналов) [4]. Подобные формы передачи власти встречаются редко и весьма далеки от принципов свободного участия граждан в выборах.

В чистом виде посредством переворотов к верховной власти приходили и в XX в. Происходило это по похожей схеме: физическое устранение или политическое низвержение прежнего правителя с помощью регулярной армии или группы заговорщиков из высших должностных лиц. Затем объявлялось временное чрезвычайное положение, и якобы вплоть до новых всеобщих выборов исполняющий обязанности получал всю полноту власти. В худшем случае, когда путчисты встречали сопротивление со стороны прежних властей, противостояние перерастало в открытый вооружённый конфликт, даже в гражданскую войну, где побеждал сильнейший, а не законнейший. Особенно частыми военные перевороты стали в странах Латинской Америки в 1970–1980-х гг. Основные причины такой распространённости путчей в регионе хорошо известны: незрелость и неустойчивость демократических институтов, чрезмерное влияние армии и флота на политические институты и на отдельных политических лидеров и многое другое. С началом 1990-х гг. в странах этого региона количество военных переворотов сократилось. Теперь сомнительно первенство по ним сохраняет африканский континент. Ситуация там отягощается давней бедой государств – трайбализмом.

В результате военного переворота предыдущий правитель лишается возможности продолжать политическую карьеру на родине (его либо убивают, либо заключают в тюрьму, либо вынуждают покинуть страну). Он не оказывает влияния на широкие слои общества. Бывшему правителю остаётся завершать политическую карьеру или искать поддержки у иностранных властей и диаспор, подталкивая население к новому перевороту. Очередные власти свергаются и ситуация повторяется. Для мирной смены власти необходима среди прочего политическая воля: ещё будучи первым лицом государства, президент должен поделить часть своих полномочий с правительством и парламентом. Происходит некий обмен, соглашение с политическими кругами. Парламент и правительство получают больше реальной власти, а глава государства может рассчитывать на личную неприкосновенность от политической расправы после отставки. Но этот план работает при условии, что власть не узурпируется правителем обходными путями. Однако часто ему трудно пойти на такой шаг, прежде всего из-за страха возможных преследований со стороны оппонентов. Страх заставляет правителя укреплять личную власть, что встречает сопротивление оппонентов. Во многом именно поэтому в суперпрезидентских республиках главы государств или правят практически пожизненно, или свергаются снова и снова.

На пространстве Содружества Независимых Государств чаще встречается первый вариант: именно президент оказывается в роли объединителя всех политических течений. Большое значение имеют феномен восприятия власти (в России, например, в лице президента, а не гражданского общества) и феномен исторической памяти. Негативные воспоминания о недавнем прошлом заставляют людей всецело доверять главе государства. Большой авторитет помогает ему реализовать свои планы. Но вскоре эйфория спадает из-за ухудшения экономической ситуации и в обществе нарастает критика его деловых качеств и проводимого курса.

В странах Восточной Европы такие события уже приводили к сменам глав исполнительной власти и политического курса. На рубеже XX–XXI вв. по региону прокатилась череда так называемых «цветных» революций. Развивались они по схожему сценарию, происходили в одинаковых обстоятельствах и, главное, имели своей целью смену главы государства. Первое, что бросается в глаза при их изучении, – временная «компактность». Это говорит либо о намеренности, организованности мероприятий, либо об объективности произошедшего, как во времена «бархатных» революций конца 1980-х – начала 1990-х гг. Повторившись, они стали уже образцом поведения. Теперь странам региона пришлось считаться с внутренними революционными угрозами; власти стали невольно готовиться к подобным сценариям.

Другой общий для «цветных» революций момент – время действия и состав участников. События происходили на фоне избирательных кампаний. С окончанием парламентских либо президентских выборов представители проигрывающей оппозиции после оглашения первичных данных с избирательных участков объявляют о массовых нарушениях. Поражает публичность таких заявлений: оппозиционные силы выступают для внутренней и иностранной аудитории. Достигаются две цели. Во-первых, вокруг важнейших правительственных и медийных зданий страны мобилизуются массы населения, не смирившегося с поражением своих фаворитов. Так демонстрируется, что нынешние власти как бы противопоставляют себя многомиллионной воле народа. Первые лица государства полагают: если за пару дней только собралось столько людей – это не случайно; скорее всего, с официальными результатами выборов что-то не так. Ведь не будет же *народ обманывать свою власть*. Поэтому оппозицию нельзя просто не замечать, её следует уважать и опасаться. Эти соображения не позволяют избирательной комиссии признать имеющиеся результаты выборов окончательными.

Параллельно недовольные партии требуют в суде пересчёта голосов или признания выборов несостоявшимися, что также затягивает разрешение проблемы.

Во-вторых, заявляя в иностранных СМИ о выявленных правонарушениях, оппозиция обращается за некой моральной поддержкой к зарубежным офици-

альным лицам. Нельзя забывать и о политической заинтересованности иностранных наблюдателей относительно «правильного» исхода выборов (когда явные нарушения не замечаются в угоду прежним добрососедским отношениям и, наоборот, когда власть критикуется за недемократичность избирательной кампании). Уважаемые иностранные политики призывают отменить результаты выборов, а власти этой страны оказываются в затруднительном положении. Поспешное оглашение победителем кандидата не от оппозиции обещает осложнить и межгосударственные отношения. Часто в такой ситуации власть вынуждена подчиняться требованиям оппозиции. Получается, что суверенное правительство не такое уж самостоятельное: вопрос формирования органов высшей исполнительной власти решается исходя из текущей политической конъюнктуры.

Чаще всего назначаются повторные выборы, на которых уже побеждает оппозиционный кандидат. Так, благодаря митингам, освещению СМИ и сочувствию за рубежом этот кандидат резко повышает свой авторитет. И если на последних выборах нет серьёзных нарушений, избирательная стратегия победителя очень успешна.

Небольшой опыт развития восточноевропейских государств в условиях свободы и незрелость демократических институтов не позволили лицам, принимающим решения, действовать рационально. Президенты занялись политическим торгом с кандидатами или самоустранились от решения конфликта. Ситуация стала малоуправляемой, и победили самые «громкие». Так, например, развивались события в Грузии, Украине и бывшей Югославии в 2004, 2005 и 2000 гг. соответственно. Сразу после получения предварительных результатов выборов лидеры оппозиции объявили о массовых фальсификациях на участках и о победе своих кандидатов. В столицах начались многотысячные митинги у административных зданий. Основными требованиями были пересмотр результатов выборов, проведение повторного голосования, отставка руководства страны. Во всех трёх случаях большинство СМИ было сочувственно настроено по отношению к митингующим, и эти требования были удовлетворены. В Грузии президент Э. Шеварднадзе вынужден был подать в отставку, и к повторным парламентским выборам добавились внеочередные президентские. В Украине же состоялось переголосование второго тура президентских выборов. Во всех странах победа досталась оппозиции [3]. В итоге были сформированы кабинеты министров с одновекторным внешнеполитическим курсом, а прежние правящие элиты попали в опалу или ушли в оппозицию.

Подведём итоги. В современном мире существует две основные формы смены верховной власти в стране. Назовём их условно электоральной (т. е. проводимой посредством выборов на том или ином уровне, наиболее отвечающая демократическим принципам), и неэлекторальной (своевольное назначение главы государства или выдвижение кого-либо на высший пост в результате го-

сударственного переворота). Сегодня в большинстве стран мира наблюдается широкое распространение электоральной формы формирования власти (общенародные президентские и парламентские выборы; эти процедуры, в отличие от неэлекторальных, обязательно закрепляются в основных законах этих государств). Но в последние десять лет в странах Восточной Европы смена глав государств произошла после «цветных» революций, совместивших в себе обе указанные формы. Выборы проходили в условиях многотысячных митингов и давления на органы власти, что больше было похоже на государственный переворот. Добавим, что пока данные тенденции не нашли юридического отражения в законодательстве тех стран.

Библиографический список

1. Бельгия обрела правительство. URL: http://www.ng.ru/world/2008-03-24/9_belgium.html
2. Бельгия покончила с правительственным кризисом. URL: <http://www.novopol.ru/text39366.html>
3. *Игнатов А.В.* Отмена результатов повторного голосования по выборам Президента Украины: правовые аспекты. URL: <http://roiip.ru/?id=120>.
4. Конституционные акты Ватикана (Государства-города Ватикана). URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864879.htm
5. Конституция Индии. URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864895.htm
6. Конституция Италии. URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864831.htm
7. Конституция Польши (Республики Польши) от 2 апреля 1997 г. URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864857.htm
8. Конституция Соединенных Штатов Америки. 1787 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ctus_txt.htm
9. Конституция Украины. Раздел V. Официальное представительство Президента Украины. URL: <http://www.president.gov.ua/ru/content/chapter05.html>
10. Конституция Федеративной Республики Германии. URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864885.htm
11. Конституция Чехии (Чешской Республики) от 16 декабря 1992 г. URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864913.htm
12. Конституция Японии. URL: http://constitution.garant.ru/DOC_60000.htm [12.09.2008]
13. Паксас зарегистрирован кандидатом на пост президента. URL: <http://www.rian.ru/politics/20040422/575461.html> [28.10.2000]
14. Федеральный конституционный закон Австрии от 10 ноября 1920 г. «Конституция Австрийской Республики». URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3864861.htm [12.09.2008]
15. Sovetika.ru – сайт о советской эпохе: Китай, конституция Китая 1982 г., глава 3. URL: <http://www.sovetika.ru/knr/konst3.htm> [07.12.2008]

ПОЛИТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ ИММИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ И ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В ВЕДУЩИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

.....

Т.С. Соколова¹

Ключевые слова: иммигранты, иммиграционная политика, интеграция, социальные конфликты, политическое развитие. **Keywords:** immigrants, immigration policy, integration, social conflicts, political development.

«XXI в. станет веком постоянного передвижения народов», – утверждает верховный комиссар ООН по делам беженцев Антониу Гутерреш [16]. Безусловно, миграция – это не новое явление. Засуха и другие природные бедствия, политическая нестабильность, войны, конфликты на протяжении всей истории человечества вынуждали народы мигрировать. Однако в XX веке миграция приобрела иные масштабы и качественные показатели.

Европейские страны на протяжении десятилетий привлекали иммигрантов из менее развитых стран. Взаимоотношения западных стран с иммигрантами были обоюдновыгодными. Европа получала необходимую дешевую рабочую силу, а иммигранты – возможность устроиться на работу и надежды на лучшую жизнь.

Приток мигрантов в Западную Европу начался еще после окончания Второй мировой войны. Со второй половины XX в. иммиграция становится одной из центральных проблем. В этот период количество иммигрантов в страны Европейского союза значительно выросло, и в 2000 г. численность только легальных иммигрантов составила 18,2 млн чел. [18, с. 101]. Недавние события в ряде европейских стран показывают, что иммиграция может превратиться в угрозу стабильности ЕС. Убийство в ноябре 2004 г. в Нидерландах режиссера Тео ван Гога Мохаммедом Буйери, марокканцем по происхождению, усилившее межэтническую и межрелигиозную напряженность в стране, острая полемика вокруг ношения хиджаба во Франции и беспорядки во французских

---

¹ Соколова Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры политической теории МГИМО (У), преподаватель кафедры мировой экономики и международных отношений МЭСИ. Эл. почта: tsokolova05@list.ru

пригородах осенью 2005 г. – наиболее яркая иллюстрация того, что сегодня иммиграция может стать фактором дестабилизации в европейских странах. [18, с. 101].

Иммигранты постепенно превращались из прибывающих на время иностранных рабочих в новые этнические меньшинства [7, с. 45–68] для принявших их стран. Если изначально иммигранты рассматривались как временная рабочая сила, то через некоторое время стало очевидно, что «нет ничего более постоянного, чем временная иммиграция» [14, с. 159].

Мы не можем отрицать тот факт, что приток иммигрантов необходим странам Западной Европы, так как для титульного населения большинства этих стран характерны низкий уровень рождаемости, старение населения и сокращение его численности. В ближайшие 40 лет прогнозируется дальнейшее сокращение коренного населения трудоспособного возраста: в Австрии, Германии, Испании, Италии, Нидерландах – на 20 %, а в других странах ЕС – от 10 до 15 % [3, с. 189–193]. Полный отказ от приема иммигрантов для Европы невозможен.

Официальная позиция стран Западной Европы в отношении иммиграции неоднозначна. С одной стороны, иммигранты, представляющие собой дешевую рабочую силу, необходимы для поддержания конкурентоспособности и развития экономики этих стран. С другой стороны, все чаще признается, что иммиграция служит причиной социальной и политической напряженности во многих западноевропейских странах, а нелегальная иммиграция – источником усиления криминальных сетей в этих странах. Массовый приток иностранцев с иной культурой, укладом, религией, образом мышления обострил социальные проблемы, поставил под угрозу национально-культурное своеобразие европейцев, а в последнее время и безопасность государств в связи с ростом экстремизма и терроризма. В связи с этим для современных европейских государств остро стоит вопрос об интеграции иммигрантов.

По некоторым оценкам, для поддержания существующего баланса на рынке труда стран ЕС ежегодно следует привлекать 1,5–3 млн трудовых мигрантов [5, с. 233]. По оценке экономических служб ООН, для того чтобы компенсировать сокращение численности населения, в том числе и его трудоспособной части, странам ЕС к 2025 г. потребуется около 40 млн иностранных рабочих [15, с. 63].

В большинстве случаев требуется приток высококвалифицированных специалистов. Однако характерной особенностью нынешнего этапа иммиграции в западноевропейские страны является то, что доля трудовой иммиграции в общем потоке заметно сокращается. Растет количество беженцев, а также случаев воссоединения семей иммигрантов.

Эта тенденция вызывает необходимость более жесткого регулирования миграционных потоков. Все большее количество стран ЕС предпочитает политику выборочной миграции, позволяющую отбирать необходимых для страны мигрантов и отсеивать нежелательных. Подобная политика требует четкой выработки, одобрения со стороны населения, а также эффективных механизмов ее применения.

Однако следует отметить, что на практике ужесточение миграционного законодательства зачастую не решает проблему сокращения иммиграции и порой приводит к тому, что растет количество нелегальных мигрантов. Ежегодно границы ЕС пересекают около 500 тыс. нелегальных иммигрантов. По состоянию на 2002 г. в странах Европейского союза около 5 млн иностранцев находились на нелегальном положении [3, с. 14].

Что касается легальной иммиграции, ежегодно в страны Западной Европы прибывает около 700 тыс. мигрантов. По данным на 2002 г., в странах ЕС и Швейцарии проживают около 18 млн легальных иммигрантов. В настоящее время около 80 % легальных иммигрантов живут в четырех странах Западной Европы: Германии, Франции, Великобритании, Швейцарии. На долю легальных мигрантов приходится 5% населения ЕС и Швейцарии и 5,3 % совокупной рабочей силы [11, с. 130–131].

Основной проблемой является интеграция арабо-мусульманского населения, чьи ценности, понятия и менталитет значительно отличается от западных, распространенных в Европе.

Интеграционные проблемы в любой стране определяются в первую очередь иммиграционной политикой ее эволюцией и современным состоянием [9, с. 44].

В результате анализа иммиграционной политики европейских стран можно выделить несколько моделей инициирования иммиграции и попыток ее регулирования [7, с. 47–55]. В данных моделях отражена специфика иммиграционной политики отдельных европейских стран.

Наиболее жестким, последовательным и прагматичным вариантом регулирования иммиграции считается швейцарская модель. Несмотря на то что в Швейцарии почти за 50 лет численность иммигрантов возросла приблизительно в 20 раз (в 1946 г. в стране было зарегистрировано только 50 тыс. иммигрантов, в 1970 г. – 823 тыс., а в начале XXI в. – уже более 1 млн чел. [8, с. 109]), благодаря применению жесткой модели этой стране удалось избежать многих проблем, порождаемых иммиграцией, характерных для других европейских стран.

Иммиграционные потоки и пребывание иммигрантов на территории Швейцарии регулировалось законодательством, разработанным в 1930-х гг.,

обновленным в 1949 г. По этому законодательству предусматривалась выдача дифференцированных разрешений на въезд в страну [7, с. 48].

Разрешение «А» выдавалось сезонным рабочим на срок не более девяти месяцев. Оно жестко ограничивало профессиональную и территориальную мобильность этих рабочих.

Разрешение «В» было весьма схожим с первым видом документов, разница заключалась в том, что оно могло быть продлено.

Разрешение «С» позволяло более длительное пребывание в стране и не ограничивало свободу выбора места работы.

Разрешение «D» выдавалось так называемым приходящим работником, которые ежедневно возвращались к себе домой – в приграничные населенные пункты в сопредельных странах.

Иммигранты, нарушившие правила пребывания в стране в соответствии с типом полученного разрешения, немедленно высылались из страны. Также высылке подвергались и нелегальные иммигранты, появившиеся в Швейцарии только в 1960-х гг.

Подобное жесткое регулирование стало возможным прежде всего в силу высокой компактности рассматриваемого государства, в связи с чем на его территории достаточно легко найти и задержать иностранного «нарушителя». Кроме того, здесь отсутствуют мегаполисы, являющиеся благоприятной средой для образования общин-гетто, затрудняющих интеграцию иммигрантов.

Важную роль в иммиграционной модели Швейцарии играет тот фактор, что большинство государств, поставляющих в эту страну рабочую силу, близки ей в территориальном и социокультурном плане. Так, к концу 1980-х гг. приблизительно из миллиона находившихся на территории Швейцарии иностранцев более половины составляли граждане сопредельных стран: 400 тыс. были итальянцами, 113 тыс. – западными немцами и австрийцами, 47 тыс. – французами. Было также большое количество выходцев из других европейских стран, в частности, 130 тыс. испанцев и португальцев, 67 тыс. югославов [12, с. 9].

И в настоящее время в Швейцарии доля иммигрантов из неевропейских стран весьма невелика, к ним относятся преимущественно выходцы из Турции, стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Африки Южнее Сахары. Большинство прибывших из этих стран обратились с просьбой о политическом убежище.

В 1960-е гг. рост количества числа иностранцев вызвал жаркую полемику вокруг проблемы иммиграции. Противоречивость мнений населения и руководства страны в отношении иммиграции привела к тому, что политика в этой области не была последовательной. С одной стороны, объявлялся курс на значительное сокращение занятости иностранцев, с другой – принимались меры,

направленные на расширение прав иммигрантов и интеграцию их в швейцарское общество [7, с. 50].

Со временем стало очевидно, что швейцарская модель не может остановить процесс трансформации части временных рабочих в постоянных жителей страны. Однако в силу указанных причин эта модель способствовала довольно успешной интеграции иммигрантов и предотвратила образование в Швейцарии общин новых национальных меньшинств.

Следующей была «английская модель» иммиграционной политики. Ее особенность состояла в ориентации на привлечение иностранной рабочей силы главным образом из стран Британского Содружества.

В конце 1950-х гг. основным поставщиком рабочей силы в Великобританию стали страны полуострова Индостан (Индия, Восточный и Западный Пакистан), а также Восточной и Западной Африки.

Изначально в Великобритании формально не существовало понятия «иностранная рабочая», так как большинство лиц, прибывающих для заполнения рабочих вакансий, были членами Содружества и с юридической точки зрения обладали теми же правами, что и сами англичане. Иммигранты имели возможность приезжать вместе с семьями, и сроки их пребывания не ограничивались. В 1962 г. был принят закон, ограничивающий права иностранцев на въезд в страну. Несмотря на это, иммиграционные потоки в страну не уменьшались, к тому же увеличивалась доля семейной иммиграции.

По мнению некоторых исследователей [7, с. 50–52], толчком к трансформации представителей этнических общин из временных рабочих в постоянных жителей послужил тот факт, что правительство перешло к ограничительной иммиграционной политике. Иммигранты понимали, что в случае их выезда из Англии у них больше не будет шансов туда вернуться. А воссоединение с семьей облегчало их пребывание в чужой стране и обычно способствовало решению остаться в Великобритании.

В 1970-е и 1980-е гг. были приняты еще более суровые законы, ограничивающие даже простое посещение Великобритании обладателями британских паспортов, неангличан по происхождению, проживающих на ее зависимых территориях. Кроме того, рожденные на самой территории Великобритании перестали автоматически получать британское гражданство.

Несмотря на принятые меры, общины иммигрантов продолжали развиваться, прежде всего за счет естественного прироста. В результате Великобритания одной из первых европейских стран столкнулась с феноменом второго поколения иммигрантов из неевропейских стран как с массовым явлением.

Третья модель иммиграционной политики – итало-испанская.

На протяжении многих лет Италия и Испания выступали в качестве основных источников иммиграции в сопредельные европейские страны на другие

континенты (в частности Южную и Центральную Америку). Но в последние 10–15 лет эти страны сами стали «импортерами» иммиграции.

Наиболее активные иммиграционные потоки направляются в Италию и Испанию из стран Магриба (в первую очередь из Марокко в силу территориальной близости). В этих странах также активно растут общины сенегальцев, филиппинцев, выходцев из бывших испанских и итальянских колониальных или зависимых территорий (из Эритреи и Ливии). В начале 1990-х гг. в Италии наблюдался значительный наплыв беженцев с Балкан, в частности хорватов и албанцев, что было вызвано обострением конфликтов в этом регионе. В целом в Италии сейчас находятся 800–100 тыс. иммигрантов, что составляет не менее 6 % от всего населения страны [1, с. 42].

Ввиду усиления наплыва иммигрантов и обострения проблем, связанных с иммиграцией, в этой области политика итальянского правительства основывалась на принципе «больше кооперации, меньше интеграции», в силу которого были приняты законы, предусматривающие разработку проектов для возвращения иммигрантов в свои страны и их адаптации там на основе межгосударственной кооперации [1, с. 46].

Однако зачастую подобные проекты осложнялись из-за нежелания многих стран, поставляющих иммигрантов, прежде всего мусульманских, решать проблему иммиграции, так как массовый отъезд из них во многом разряжает ситуацию на местном рынке труда, а денежные переводы, поступающие от иммигрантов на родину, составляют значительную долю ВВП этих стран [1, с. 46–47].

Свои иммиграционные модели существуют во Франции, Германии, Бельгии, Голландии и в других европейских странах. Они объединяют в себе различные элементы перечисленных моделей.

Несмотря на то что каждая страна имеет свои особенности политики регулирования иммиграции, можно выделить несколько основных законных способов получения разрешения на пребывание в стране:

- 1) заключение трудового контракта (в последние годы возможность заключения подобного контракта в странах ЕС была существенно ограничена);
- 2) воссоединение семей (доля этого варианта иммиграции в последние годы заметно увеличилась в общем иммиграционном потоке);
- 3) учеба;
- 4) брак с гражданином или гражданкой данного государства;
- 5) прошение о предоставлении политического убежища.

Вопрос интеграции иммигрантов связан кроме всего прочего с государственной политикой предоставления им гражданства. В странах Западной Европы существует два подхода к натурализации иммигрантов. В ряде стран,

например в Швеции, активно поощряется наиболее быстрое получение гражданства иммигрантами. Эта политика основана на предположении, что таким образом процесс интеграции иммигрантов проходит более гладко. Такие страны, как Швейцария и Германия, наоборот, затягивают процесс предоставления гражданства.

В среднем за год гражданство в странах ЕС получают 300 тыс. иммигрантов. За последнее десятилетие XX в. масштабы предоставления гражданства иммигрантам в странах ЕС выросли в среднем в 2,5 раза. В Ирландии этот показатель увеличился в 7 раз, в Португалии – в 6, а в Финляндии и Нидерландах – в 5 раз. За этот период удельный вес иммигрантов, получивших гражданство отдельных стран ЕС, в среднем составил 1–3 % от всей численности иммигрантов [13, с. 84].

В странах Западной Европы установлены определенные правила предоставления гражданства. Основным показателем является квалификационный период пребывания иммигранта в стране. В большинстве государств он составляет не менее пяти лет (например, в Швеции и Нидерландах). Самый длительный квалификационный период – 12 лет – установлен в Швейцарии. Другое условие – доказательство хорошего поведения (Бельгия), подписание декларации о хорошем поведении в будущем (Великобритания). Ряд стран требуют от иммигрантов знания языка и соблюдения традиций страны проживания (Франция, Германия) [11, с. 133].

В целом практически во всех странах Европы идеи синтеза и многообразия культур сегодня сменились стремлением к жесткой интеграции мигрантов в европейское общество на условиях компромисса: с соблюдением их гражданских прав в том объеме, в котором они не вступают в противоречие с национальными интересами и культурными традициями принимающих их государств [10, с. 67].

Несмотря на существование различных подходов к проблеме иммиграции, во многих западноевропейских странах задача интеграции иммигрантов не была в полной мере решена. Существующие здесь модели регулирования иммиграционных потоков и интеграции иммигрантов в принимающее их общество и государство не смогли предотвратить социального раскола и возрастания социальной напряженности в ряде европейских стран.

Подобная напряженность, связанная с иммиграцией, не могла не повлиять на политическое развитие этих стран, так как социальное недовольство и конфликтность сложившейся ситуации влияют на программы различных политических деятелей и партий и на политику государства в целом.

Проблема иммиграционных потоков и интеграции иммигрантов затрагивает не только отдельные государства Европы, но и Европейский союз в целом,

создавая определенные трудности и препятствия для дальнейшего развития и расширения процесса европейской интеграции.

Влияние иммиграции на социальное и политическое развитие западноевропейских стран на примере Франции и Нидерландов

Усугубление проблемы иммиграции, и прежде всего интеграции иммигрантов, наиболее ярко в последние годы проявилось в таких странах, как Франция и Нидерланды.

Эти примеры особенно показательны, поскольку Франция и Голландия на протяжении долгого времени следовали абсолютно разным моделям интеграции иммигрантов и регулирования иммиграционных потоков. Французские власти всегда требовали жесткой ассимиляции иммигрантов, тогда как официальная Голландия на протяжении длительного времени придерживалась более мягкой модели, характеризующейся терпимостью к этническим меньшинствам и поощрением и поддержанием существования мультикультурализма в стране.

Несмотря на подобную разницу в подходах к решению проблемы иммиграции, эти государства не смогли избежать социальных конфликтов, связанных с иммигрантами. В результате конфликтов проявилась вся глубина проблемы и стало очевидно, что не удастся полностью интегрировать иммигрантов (речь идет в первую очередь о выходцах из стран с чуждой для европейцев культурой, в частности из арабо-мусульманского мира) в силу их нежелания или невозможности включаться в полной мере в этот процесс. Этот процесс затрудняется и в связи с отторжением и неприятием определенной части иммигрантов со стороны коренного населения.

Сегодня крайней точкой существующего в этих странах конфликта стала ситуация, сложившаяся в Нидерландах после убийства осенью 2004 г. знаменитого голландского режиссера Тео Ван Гога Мухаммедом Буйери, марокканцем по происхождению, и кризис французских пригородов осени 2005 г. Убийца оставил рядом с телом режиссера записку, в которой говорилось о том, что он отомстил во имя Аллаха и что подобная участь ожидает всех врагов ислама. Считается, что на подобный шаг исламского радикала подтолкнул фильм, снятый Тео Ван Гогом, в котором режиссер обвинил ислам в крайне жестоком обращении с женщинами.

Подобное ритуальное убийство по религиозным мотивам вызвало волну негодования со стороны коренного населения Нидерландов, страны принявшей в свое время марокканскую семью Буйери и создавшей все условия для их адаптации к новым условиям проживания в чужой стране.

Это событие подстегнуло и усугубило нарастание межрелигиозного и межэтнического напряжения в стране, которое вылилось в прямое противо-

яние. В стране начались массовые беспорядки: поджигались исламские школы, мечети, представительства мусульманских организаций. Нападения на мусульман и их имущество происходили в таких крупных голландских городах, как Амстердам, Роттердам, Бреда и др. В ответ совершались нападения на церкви и другие христианские объекты.

Поражает тот факт, что подобная религиозная вражда стала возможной в одной из самых терпимых в этническом и религиозном плане стране.

Осенью 2005 г. массовые беспорядки происходили уже во Франции. Политика жесткой ассимиляции, проводимая правительством страны, не привела к необходимой интеграции иммигрантов, а скорее даже вызывала у них отторжение. В первую очередь это относится к арабо-мусульманским иммигрантским общинам. Одним из показателей возрастания напряженности в стране стала жаркая полемика вокруг запрета на ношение хеджаба в государственных образовательных учреждениях. В этом решении проявился традиционный принцип политики Франции, предполагающий недопущение религии в государственную сферу. А крайне жесткая негативная реакция на это решение со стороны мусульманского общества отразила их неприятие идеи жесткой ассимиляции.

Наиболее остро конфликт проявился в результате массовых беспорядков, начавшихся во Франции осенью 2005 г. Инцидент, относившийся к случайной гибели двух юных нарушителей из иммигрантской среды, которых преследовали французские полицейские, стал искрой для начала длительных беспорядков в пригородах многих крупных французских городов. На протяжении нескольких недель выходцы из среды иммигрантов, в основном относящиеся к арабо-мусульманской культуре, устраивали уличные беспорядки во Франции. Среди основных зачинщиков этих беспорядков выделялись молодые люди, воспитанные и живущие в иммигрантских кварталах, так называемых гетто.

Многие СМИ освещали беспорядки во Франции как беспрецедентные, заставшие врасплох традиционно считавшуюся спокойной и благополучной Францию, о чем, по мнению некоторых журналистов, свидетельствовал «паралич» французского правительства и его нерешительность в пресечении погромов. Однако следует отметить, что вандализм и уличная преступность, особенно в неблагополучных кварталах, давно стали повседневными явлениями. В этот раз общественность поразили длительность беспорядков, их масштабы и синхронность действий их участников [4, с. 4].

Первые масштабные волнения во Франции вспыхнули еще в 1981 г. в пригороде Венисье (под Лионом) и других населенных пунктах этого региона. Похожие беспорядки, только в более мелких масштабах, прошли и в некоторых других странах Европы, в том числе в Бельгии, Германии, в меньшей степени в Испании. Эти события показали, что проблема интеграции иммигрантов существует во многих странах Европы и порождает подобные конфликты.

Ситуация, сложившаяся вокруг иммигрантских общин, не могла не сказаться на политической жизни многих европейских стран. По мере усугубления в конце 1990-х г. социальной напряженности, порождаемой трудностями в интеграции иммигрантов и другими проблемами, относящимися к иммиграции (в первую очередь высоким уровнем безработицы и преступности среди иммигрантов), даже наиболее либеральные круги Европы стали пересматривать свое отношение к иммиграции.

Многие возмущались неспособностью их правительств снизить уровень или даже выявить источники *insécurité* (французский эвфемизм, применяющийся для обозначения сочетания таких явлений, как вандализм, уголовная преступность и преступления на почве ненависти, исходящих из мусульманских иммигрантских анклавов) [6, с. 94]. Все острее проявлялась неспособность государства регулировать въезд иммигрантов и нежелание общества (и в некоторых случаях самих иммигрантов) их интегрировать. В одних случаях негативная реакция была связана с ксенофобией и расизмом, в других возникала в ответ на действия политиков, преследующих идеи построения мультикультурализма, максимальной терпимости и предоставления особых льгот в отношении многих групп иммигрантов.

В начале XXI в. «электоральный бунт», вызванный в первую очередь проблемой иммиграции, поставил под угрозу партийные системы Австрии, Бельгии, Дании, Франции и Нидерландов. Тот факт, что в Австрии в 2000 г. в состав правительства вошла поддерживаемая электоратом Австрийская партия свободы, возглавляемая националистом Йоргом Хайдером, привел к такому замешательству среди большинства стран-членов ЕС, что эти страны пошли на беспрецедентную меру – политический бойкот Австрии. В результате подобного давления Хайдер вынужден был покинуть австрийское правительство, но сам факт прихода к власти в европейской стране ультраправой партии является крайне показательным.

В Нидерландах развитие политического радикализма связано с партией, основанной ультраправым политиком Питером Фортейном. Основной программой «Списка Фортейна» стала жесткая борьба с исламизацией Нидерландов. Питер Фортейн критиковал мусульманскую иммиграцию за то, что ислам с его негативным отношением к различным меньшинствам и нетерпимостью к женщинам подрывает голландские либеральные ценности. Он предлагал ограничить количество ежегодно прибывающих в страну иммигрантов с 40 до 10 тыс., а в ближайшем будущем заменить иммиграцию финансовой помощью с тем, чтобы потенциальные иммигранты оставались у себя на родине. К тому же он призывал к отмене первой статьи национальной Конституции, запрещающей дискриминацию, считал ислам «отсталой культурой» и требовал отменить Шенгенские соглашения.

Логика П. Фортейна строилась на том, что, согласно демографическим прогнозам, в 2010 г. в четырех крупных городах Нидерландов – Амстердаме, Роттердаме, Утрехте и Гааге – большинство населения составят некоренные жители страны, главным образом мусульмане. Процент безработных среди мусульман в несколько раз выше, чем среди трудолюбивых голландцев, а это значит, что львиная доля социальных расходов, оплачиваемых налогоплательщиками, уходит именно на иммигрантов. Подобная риторика на фоне осложняющейся в стране ситуации, связанной с иммигрантами, привела к росту популярности «Списка Фортейна».

В 2002 г. «Список Фортейна» получил на местных выборах в Роттердаме 35 % голосов избирателей, после убийства Питера Фортейна эта партия на общенациональных парламентских выборах завоевала 26 из 150 мест в парламенте страны, полностью изменив традиционный баланс сил в Нидерландах [7, с. 66].

Несмотря на то что на состоявшихся год спустя досрочных парламентских выборах ультраправые уступили левой коалиции, получив всего лишь 6 депутатских мандатов, значительная часть установок «Списка Фортейна» перенималась более умеренными партиями. Идеи Фортейна постепенно принимали на вооружение традиционно сдержанные и избегающие резких выражений политики. В феврале 2004 г. коалиционное гражданское правительство, возглавляемое лидером христианских демократов Яном Петером Балькененде, приняло самые строгие в ЕС законы о беженцах. Из страны было выслано 26 тыс. иностранцев, не получивших статуса беженца (таких массовых «чисток» Европа не знала со времен Второй мировой войны). Процесс рассмотрения просьб о предоставлении политического убежища был максимально ужесточен, для ожидающих решения своей участи беженцев построены специальные депортационные центры со строгими правилами и тяжелыми условиями [2].

Рост популярности ультраправых идей проявился и в политической жизни Франции. За тридцать лет созданный ветераном войн в Алжире и Индокитае Жан-Мари Ле Пенем «Национальный фронт» из полужестремистской группировки превратился в сильную политическую партию, пользующуюся постоянно растущей поддержкой избирателей.

Основа политической платформы «Национального фронта» – противостояние мигрантам, чужакам, чья экспансия угрожает самому существованию Франции. Для большей популяризации своей платформы Ле Пен заявляет, что «через десять лет во Франции будут жить люди любого цвета кожи, кроме белых!» [2]. Главное его требование – поставить жесткий заслон на пути иммиграции – с каждым годом становится все более популярным. Степень этой популярности стала ясна, когда в первом туре президентских выборов 2002 г. Ле Пен получил 17 % голосов, обойдя всех кандидатов, кроме Жака Ширака.

Несмотря на то что во втором туре Жак Ширак одержал уверенную победу, сам факт того, что ультраправый политик в европейской стране пользуется настолько большой популярностью, что становится вторым по поддержке избирателей кандидатом в претенденты, настораживает.

Накопившиеся в обществе антиарабские настроения привели к тому, что политик, долгое время считавшийся маргиналом, оказался весьма влиятельным. Ультраправые добились важной для них победы – их идеи проникли в массовое сознание, завоевали себе множество сторонников. Потерпев поражение на президентских выборах, «Национальный фронт» сумел сохранить свои позиции в региональных органах власти и в муниципалитетах.

Социальный и политический кризис, обусловленный напряженностью, связанной с иммиграцией, привел к ужесточению французской политики. Так, до сих пор активно обсуждается Закон «Об иммиграции и интеграции», предложенный Николя Саркози, бывшим на тот момент министром внутренних дел Франции. Этот закон, принятый обеими палатами французского парламента в 2006 г., названный проектом выборочной иммиграции, предусматривает ужесточение иммиграционной политики Франции. Введение более жестких правил в отношении иммигрантов затрагивает вопросы воссоединения семей иммигрантов, условий перевода нелегалов на легальное положение, предоставление французского гражданства, в том числе и в случаях смешанных браков. В данном законе делается акцент на необходимости проведения политики выборочной иммиграции, т.е. на фоне ужесточения общих иммиграционных правил, французское правительство должно способствовать привлечению иммигрантов необходимой квалификации и с конкретными навыками для работы в определенных секторах экономики, страдающих от нехватки подобной рабочей силы [17].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что ультраправые политики и партии стали реальной политической силой во многих западноевропейских странах, а их идеи в отношении иммиграции пользуются все большей популярностью среди коренного населения этих стран.

В результате можно сделать вывод, что иммиграция приобретает все большую значимость в современных условиях и становится политикообразующим фактором как в отдельных странах Европейского Союза, так и в ЕС в целом. Будучи важным фактором внутренней и внешней политики стран Евросоюза, иммиграция превращается в объект и субъект внутригосударственных и межгосударственных отношений.

На фоне существующей потребности в привлечении иммигрантов для поддержания и увеличения эффективности экономик европейских стран усиливаются процессы, угрожающие стабильности этих стран и их национальной идентичности, обусловленные спецификой современных иммиграционных трендов в Европе.

Среди особенностей этих трендов следует отметить:

- значительные масштабы иммиграционных потоков второй половины XX – начала XXI в.;
- крайнюю неоднородность иммиграции, источниками которой служит множество различных стран и регионов мира;
- сочетание экономической и политической иммиграции, а также сокращение доли трудовой иммиграции и усиление семейной иммиграции в общем иммиграционном потоке;
- постепенное превращение временных иммигрантов в новые этнические меньшинства для принявших их стран;
- значительное увеличение масштабов нелегальной иммиграции;
- осложнение ситуации на европейском рынке труда, а также затруднение процесса интеграции иммигрантов, требующих более жесткого регулирования иммиграционной политики и выработки эффективной модели интеграции новых этнических меньшинств.

Для определения роли иммиграции в современных политических процессах европейских стран показательна тенденция усиления социальной и политической напряженности, вызванной неэффективностью существующей в большинстве западноевропейских стран политики регулирования иммиграционных потоков и интеграции иммигрантов.

Анализа отдельных моделей регулирования иммиграции показал, что наиболее эффективна швейцарская модель. Однако эта эффективность объясняется не столько жесткими мерами по регулированию иммиграционных потоков, сколько особенностями самой Швейцарии, позволяющими применять эти меры на практике. Другие рассмотренные модели на практике не приводят к полному регулированию иммиграционных потоков. Порой даже ужесточение иммиграционной политики влечет за собой рост нелегальной иммиграции, что еще больше затрудняет и ослабляет государственный контроль в этой области.

Неэффективность политики ведущих стран ЕС в отношении иммиграции привела к усугублению проблем, связанных с неудачей интеграции определенной части иммигрантов. В результате проявился раскол внутри европейских обществ между европейцами и отказывающимися интегрироваться иммигрантами, преимущественно из арабо-мусульманского мира.

Библиографический список

1. *Барбанов О.Н.* Италия после холодной войны: от «средней державы» к «миру протагонистов». М.: МГИМО (У), РОССПЭН, 2002.
2. *Бенедиктов К.* Ультраправый фланг Европы. URL: www.apn.ru

3. Занятость и безработица в Западной Европе: Эволюция политики занятости. М.: ИНИОН РАН, 2002.
4. *Зегонов О.* Беспорядки во Франции: характер, причины, уроки // Аналитические записки МГИМО (У). 2006. Вып. 2 (14).
5. *Зинченко Н.Н.* Правовое регулирование трудовой миграции в странах Европейского союза // Московский журнал международного права. 2004. № 2.
6. *Лейкен Р.* Разгневанные мусульмане Европы // Россия в глобальной политике. 2005. № 6.
7. *Михайлов С.В.* Европа: от временных иностранных рабочих к новым этническим меньшинствам // Актуальные проблемы Европы. 2005. № 1.
8. *Мюле Р.* Использование иностранной рабочей силы в Швейцарии (1945–1970 гг.) // Миграция и мигранты в мире капитала. Киев: Наукова думка, 1990.
9. *Прохогина С.* Интеграция по-французски // Азия и Африка сегодня. 2003. № 6.
10. *Стрельцова Я.Р.* Франция и проблема интеграции мигрантов // МЭиМО. 2005. №9.
11. *Хижный Э.К.* Иммиграция в страны Западной Европы: экономические, демографические и юридические аспекты // Россия и современный мир. 2005. № 1.
12. *Boley J.-C., Vorlet J.-P.* The foreign population resident in Switzerland. Lozanne, 1988.
13. Eurostat yearbook, 2002: The statistical guide to Europe, Data 1990–2000. Luxembourg: European Commission, 2002.
14. *Dumont J.-C.* Return migration: policies and practices in Europe // Bulletin of the WHO. Feb. 2005. 83 (2)
15. Key indicators of the labour market, 2001–2002. Geneva: ILO, 2002.
16. Le Monde. 2008. 28–29 sept.
17. Les points clés du projet de loi // Le Figaro. 2006. 2 mai.
18. World employment report. Geneva: ILO, 2001.

**ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ, ЗАЩИЩЁННЫЕ
В КУБАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
В 2008 ГОДУ**

.....

А.Н. Кимберг¹

Ключевые слова: диссертация, тематика исследований. **Keywords:** dissertation, the research areas.

В этом номере мы расскажем только о диссертациях, защищенных в Кубанском государственном университете по психологическим наукам. Материал о защитах по педагогике появится в одном из следующих номеров.

2008 год был достаточно продуктивным для диссертационного совета Д 212.01.06 по психологическим и педагогическим наукам. Вначале статистика: в прошлом году в совете при Кубанском государственном университете защищено 12 диссертаций по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности и история психологии (в том числе две докторские) и одна диссертация по специальности 19.00.07 – педагогическая психология.

Начнем с докторских диссертаций. Диссертация А.А. Лузакова «Личность как субъект категоризации в межличностном познании» – фундаментальная работа, сочетающая методологические изыскания и построение теоретической модели связи категориальной системы личности с ее мотивационно-диспозиционными тенденциями. Предложена продуктивная в теоретическом и практическом отношении классификация типичных сочетаний категориальной и ценностно-мотивационной структур личности, находящихся на разных уровнях сформированности и сбалансированности относительно друг друга. Автором был сформулирован ряд принципов изучения личности: дополненности субъектных и объектных описаний, актуальной черты, контекста, неоднозначности когнитивно-мотивационных связей, а также «пульсации» категориальной системы. Прикладная часть работы помимо прочего дает еще

¹ Кимберг Александр Николаевич – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: akimberg@gmail.com

одно измерение (ценностное) для выделения типов людей: их ориентацию на «социальный прагматизм», или «личностное развитие». Ученые, присутствующие на защите диссертации, расходились с чувством того, что мир организован гораздо сложнее, чем они себе это представляли. ВАК, исходя из такой же оценки работы, утвердил присуждение Андрею Анатольевичу Лузакову степени доктора наук, с чем мы и поздравляем нашего коллегу.

Диссертация Антонины Романовны Тиводар «Личность как субъект со-бытия в брачных отношениях» выполнена в методологии субъектно-бытийного подхода. Удачное сочетание уровней макроанализа и микроанализа, проведенных на материале жизни супружеских пар, позволило автору предложить модель со-бытия мужа и жены, охватывающую как противоречия, так и взаимную зависимость и обусловленность пары супругов. Автор зафиксировала изменения, которые с разной скоростью актуально происходят в самосознании женщин и мужчин, и последствия, к которым они ведут. Теоретически обоснованы факторы переживания благополучия в браке и раскрыта их динамика, далеко не всегда оптимистичная. Вечный вопрос: возможно ли счастье в браке, получил научно обоснованный и корректный ответ, содержание которого можно узнать у автора диссертации – консультанта с многолетним стажем и доцента Черноморской гуманитарной академии (г. Сочи).

Докторские диссертации – это, как правило, результат многолетнего труда по осмыслению проблемы, когда-то поразившей исследователя. Поэтому они фундаментальны и не так гибко отражают текущее направление интересов научного сообщества, как кандидатские диссертации.

Посмотрим, какие тенденции современного состояния жизни общества и человека проявляются в перечне тем последних. Итак, первая группа защищенных в 2008 году диссертационных исследований:

«Динамика образов-Я личности в экстремальных условиях деятельности» (И.А. Наприев, Краснодар);

«Личностные детерминанты, стратегии копинга и типы руководителей высшего и среднего звена в условиях профессиональных стрессовых ситуаций» (К.И. Корнев, Омск);

«Особенности личностной регуляции у правопослушных и девиантных юношей» (Ф.Г. Ловпаче, Майкоп);

«Особенности становления личностных компонентов профессионализма в условиях ситуативной заданности выбора сферы профессиональной деятельности» (Т.А. Цергой, Майкоп).

Тема столкновения человека с трудностями жизни, в чем бы они ни выражались – боевые операции и служба в их ожидании у сотрудников силовых структур, занятия бизнесом в условиях неопределенной, а в условиях отечества – часто и неприязненной среды (термин «кошмарить бизнес» придумал

не автор этих строк), необходимость работать там, где нашлось рабочее место с зарплатой, а не в той сфере, где состоялась профессионализация, или, наконец, выбор подростка между призрачным «правильным» путем к жизненному успеху или достижением желаемого без оглядки на закон и других людей, задает проблему исследования в каждой из названных работ. Теоретическими моделями служат концепции совладающего поведения и личностных регулятивных механизмов разного уровня. И результаты эмпирических исследований, и выводы названных работ различны, но достаточно интересны и схватывают суть происходящих в обществе процессов на уровне психологии личности.

Попыткой нащупать возможные способы достойной жизни личности в условиях того мира, который ей достался, выглядит диссертация Р.И. Стецишина (Краснодар) «Психологические предпосылки жизнестойкости личности (на примере личности врача-клинициста)». Концепт жизнестойкости – новый для отечественной психологии и вызывает иногда критические вопросы, но, судя по тому, что у нас сегодня уже выполняется несколько исследований с его использованием, он представляет интерес. Во всяком случае, жизнестойкость как состояние духа выглядит привлекательнее, чем депрессия, хотя, может быть, уступает в романтичности модусу самоактуализации.

Следующая группа диссертационных исследований посвящена исследованию регулятивных механизмов Я и условий их становления в различных ситуациях. Последние чаще всего связаны с опытом отношений со значимыми людьми и характером их влияний и оценок. Здесь представлены такие темы, как «Взаимосвязь самооценки компетентности и представлений человека о себе как субъекте деятельности» (Ю.С. Шелковой, Краснодар), «Взаимосвязь гендерного и профессионального образов “Я” в структуре самосознания личности руководителя» (Н.Н. Лупенко, Краснодар), «Психология со-бытия супругов в семьях моряков и «береговых» семьях» (Е.Н. Диденко, Новороссийск), «Обусловливание личности ребенка характером супружеских отношений его родителей» (Л.А. Махухина, Краснодар). Отдельно в этой же группе следует выделить диссертационное исследование С.В. Бакалдина (Краснодар) «Одиночество и его связь с функциями “Я”». Темы диссертационных исследований, выполненных в рамках психоаналитического подхода, не часты в рассылаемых по стране авторефератах. Есть определенные сложности в соотношении устоявшихся взглядов на личность в отечественной психологии и психоаналитической традиции. Тем не менее процесс взаимного сближения и теоретического обогащения и того, и другого подхода можно только приветствовать.

И наконец, работа В.Е. Курочкиной (Краснодар) «Рефлексивные и прогностические способности педагога как психологическое условие его профессионального развития в послевузовском образовании», выполненная по педагогической психологии, но с хорошей общепсихологической и методологической

базой. Рефлексия и прогнозирование – две добродетели, о которых последние два десятилетия вспоминали, к сожалению, мало. Тем важнее, что знание о них не только не утрачено, но и воспроизводится и развивается в текущих исследованиях.

В заключение о тех людях, которые по долгу перед научным сообществом и из любви к бесконечному процессу познания участвовали в процессе подготовки научных кадров высшей квалификации. Речь идет о научных руководителях и консультантах, способствующих успешным защитам этого года.

Это доктора психологических наук Л.И. Дементий (ОмГУ, г. Омск), А.Н. Дёмин (КубГУ), Г.Б. Горская (Краснодарский университет физической культуры, спорта и туризма), Л.Н. Ожигова (КубГУ), З.И. Рябикина (КубГУ), Г.Ю. Фоменко (КубГУ), Б.А. Ясько (КубГУ), доценты С.И. Воронкина (КубГУ), А.Н. Кимберг (КубГУ), С.Д. Некрасов (КубГУ).

Хочу также поблагодарить за внимательную экспертизу и участие в появлении новых дипломированных ученых, признаваемых научным сообществом, их официальных оппонентов – психологов с большим опытом научной и практической работы, к деятельности и глубине суждений которых с уважением относится диссертационный совет: И.В. Абакумову (Ростов-на-Дону), Е.Н. Азлецкую (Краснодар), Н.В. Балабанову (Краснодар), В.П. Бедерханову (Краснодар), Т.В. Бендас (Оренбург), В.А. Гуружапова (Москва), Л.И. Дементий (Омск), А.Н. Дёмина (Краснодар), Е.А. Журавлеву (Краснодар), В.В. Знакова (Москва), Е.И. Исаева (Москва), И.С. Клецину (Санкт-Петербург), М.И. Марьина (Москва), С.К. Нартову-Бочавер (Москва), О.Г. Носкову (Москва), В.Э. Пахальяна (Москва), О.Н. Первушину (Новосибирск), А.О. Прохорова (Казань), А.А. Симанкову (Краснодар), Т.П. Скрипкину (Ростов-на-Дону), В.А. Толочка (Москва), Б.А. Ясько (Краснодар). Работа и общение с ними доставила мне как ученому секретарю совета удовольствие.

С пожеланиями благополучия и творческих успехов, ученый секретарь диссертационного совета Д 212.101.06

Александр Николаевич Кимберг

Марьяненко Д.А. Факторы кросситуативной устойчивости самооценки личности.

В статье даётся обзор факторов, определяющих устойчивость самооценки личности как важнейшего личностного образования. Представлены результаты эмпирических исследований о сочетаниях личностных характеристик (характерологических черт, ценностных ориентаций, направленности) с кросситуативной устойчивостью самооценки.

Библиогр. 13 назв.

Омельченко Н.В. Психология восприятия и оценивания компьютерных игр разных жанров: исследование личностных конструктов.

В статье представлено исследование личностных конструктов, используемых субъектами при восприятии и оценивании компьютерных игр. Реконструкция бытующих в среде компьютерных игроков систем значений и комплексных оснований субъективной категоризации осуществлено с помощью метода триад Дж. Келли.

Библиогр. 8 назв.

Ясько Б.А. Некоторые аспекты формирования индивидуального стиля деятельности врача.

Рассмотрена категория индивидуального стиля деятельности (ИСД) как значимого компонента процесса профессионального становления человека. Описываются основные механизмы формирования индивидуального стиля деятельности: адаптация, компенсация, коррекция, эмоциональное принятие. Приводятся эмпирические данные, полученные в результате психологического анализа ИСД врача-клинициста.

Библиогр. 23 назв.

Коваленко С.А. Контрактное обучение как фактор мотивации к успешной учёбе.

Автор в своём исследовании пытается оценить, насколько появление платного высшего профессионального образования повысило успешность обучения студентов-контрактников. По его мнению, платность образования пока что не является фактором, стимулирующим изменения в желаемом направлении.

Библиогр. 9 назв.

Меньшиков В.В. Прогнозирование властных процессов: методологический аспект.

Одной из проблем, связанных с пониманием механизма глобализации, является вопрос о роли в этом процессе экономической и политической власти. Прогнозирование властных процессов в новых условиях направлено на поиск возможных вариантов решения возникающих проблем, предсказание характера развития будущих событий, последствий тех или иных процессов. Особое внимание автор уделяет синергетическому подходу как основе прогностической деятельности. Он также формулирует ряд требований, которыми должна руководствоваться власть при определении стратегических целей развития общества.

Библиогр. 11 назв.

Новоселов С.В. Национальная безопасность: научный аспект.

Обеспечение национальной безопасности остается центральной для современной России задачей, которую призвана решить разрабатываемая «Стратегия национальной безопасности России до 2020 года». Однако в «Стратегии» и современных исследованиях по вопросам национальной безопасности понятийный аппарат характеризуется невыверенностью, разночтением многих основополагающих терминов, отсутствием четкого понимания стоящих проблем и путей их решения. В статье рассматриваются недостатки «Стратегии» и сформулированы некоторые предложения по реализации политики национальной безопасности.

Библиогр. 7 назв.

Насимова Г.О. Основные факторы и причины возникновения конфликтов в Казахстане.

На основе проведенных экспертных опросов Г.О. Насимова стремится выявить наличие угроз возникновения конфликтов и уровень социальной напря-

женности в казахстанском обществе. Автор приходит к выводу, что граждане Казахстана в большинстве своём не доверяют оппозиционным политическим партиям, поэтому аккумулировать протестный потенциал общества в ближайшем будущем им не удастся. Вместе с тем показатель уровня доверия населения к органам государственной власти сигнализирует о необходимости совершенствования технологий раннего предотвращения политических конфликтов.

Библиогр. 5 назв.

Дмитрук С.В. Порядок занятия высшего поста в системе исполнительной власти: институциональный аспект.

В работе на основе сравнительного анализа исследуются оба основных способа смены власти: электоральный и неэлекторальный (государственный переворот, наследование и назначение). Особое внимание уделено особому типу смены власти – «цветным» революциям, обладающим чертами электорального и неэлекторального типов. Описаны их общая схема и причины успеха.

Библиогр. 15 назв.

Соколова Т.С. Политика регулирования иммиграционных потоков и интеграции иммигрантов в ведущих европейских странах.

В данной статье автор предлагает анализ проблемы иммиграции в отношении западноевропейских стран. В частности, рассматриваются основные типы иммиграционной политики, применяемые в ведущих странах Западной Европы. Помимо этого, особое внимание уделяется влиянию иммиграции на социальное и политическое развитие Европы. Автор приходит к выводу: иммиграция становится «политикообразующим» фактором для европейских стран, но ни одна из существующих моделей иммиграционной политики на данный момент не доказала своей эффективности.

Библиогр. 18 назв.

Кимберг А.Н. Диссертационные исследования по психологическим наукам, защищённые в Кубанском государственном университете в 2008 году.

В работе проводится анализ содержательных аспектов диссертационных исследований по психологическим наукам, защиты которых происходили в Кубанском государственном университете в 2008 г.

SUMMARY

Maryanenko D.A. Cross-situational stability factors of a person's self-concept.

The article provides an overview of the factors that determine stability of self-concept as an essential personal formation. The results of empirical researches are presented on combinations of personal characteristics (characterological features, values' orientations, trends) with self-concept cross-situational stability.

Omelchenko N.V. Psychology of perception and evaluation of computer games of various genres: research of personal constructs.

The research of personal constructs is presented in the article used by subjects in the perception and evaluation of computer games. Reconstruction of the systems of values and complex bases of subjective categorization occurring among players is carried out by the method of triads by J. Kelly.

Yasko B.A. Some aspects of forming individual style of a doctor's activity.

The category of individual style of activity (ISA) as a significant component of the process of professional formation of a person is considered. Basic mechanisms of formation of individual activity style are described like adaptation, compensation, correction, emotional acceptance. Empirical data of ISA psychological analysis of a clinician doctor are given.

Kovalenko S.A. Contract training as a motivating factor in successful education.

The author tries to estimate in the research how the emergence of higher education for charge has increased the success of training contract students. According to the author, paying the tuition fee is yet not a factor stimulating changes in a desirable direction.

Menshikov V.V. Prognostication of power processes: methodological aspects.

One of the problems associated with understanding globalization mechanism is the question of the role in the process of economic and political power. Prognostication of power processes under new conditions is aimed at finding possible solutions of problems, and prediction of the development of future events and effects of different processes. The author pays particular attention to synergistic approach as the basis of prognostication. He also makes a number of requirements which must be a guide for power in determining societal strategic development objectives.

Novoselov S.V. National security: the scientific dimension.

Providing national security remains the central problem for contemporary Russia, which "National Security Strategy of Russia up to 2020" under development is called to solve. However, in the «Strategy» and contemporary researches on national security the conceptual matter is unregulated and differently interprets many basic terms, and lacks clear understanding of the problems and the ways of their solutions. This article considers disadvantages of the «Strategy» defects; some suggestions are formulated for implementing the policy of national security.

Nasimova G.O. The main factors and causes of conflict emergence in Kazakhstan.

On the basis of expert polls G.O. Nasimova tends to identify the presence of threats of emergence of conflicts and the level of social tensions in Kazakhstan society. The author comes to conclusion that citizens of Kazakhstan in their majority do not trust the opposition political parties, which therefore will not succeed in accumulating the societal protest potential in the near future. However, the rate of the population's confidence in public authorities signals the need to improve the technologies of early prevention of political conflicts.

Dmitruk S.V. The order of taking up the highest post in the executive branch: the institutional dimension.

On the basis of comparative analysis both basic ways of power rotation are investigated like electoral and non-electoral (revolution, inheritance and nomination). Special attention is given to a special type of change of authority like "colored" revolutions having features of electoral and non-electoral types. The overall scheme and the reasons of success are described.

Sokolova T.S. Policy of regulation of immigration flows and integration of immigrants in the leading European countries.

In the article the author offers the analysis of immigration problem in Western European countries. In particular, basic types of immigration policies applied in the leading countries of Western Europe. Besides it, the special attention is given influence of immigration on social and political development of Europe. The author comes to a conclusion that immigration becomes a policy-generating factor for European countries but none of the existing models of immigration policy has proved its efficiency up today.

Kimberg A.N. Dissertation on the psychological sciences, defended at the Kuban state university in 2008.

The article analyzes the content substantial aspects of dissertation on the psychological sciences, defended at Kuban State University in 2008.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, социологии управления, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях. Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных. Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 *Библиографического списка*.

Резюме. Рукопись должна включать резюме статьи объемом не более 800 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования). Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

В течение 5 дней после отсылки статьи автор получает уведомление о получении и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Аспиранты, представляющие свои статьи в журнал, должны также переслать в редакцию внешнюю рецензию с заверенной в установленном порядке подписью рецензента. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Образец оформления рецензии:

Рецензия
на рукопись статьи

Иванова Ивана Ивановича, к. пол. н., доц. кафедры политологии НГУ

Текст рецензии, в которой в свободной форме излагается мнение рецензента относительно: 1) научной проблемы, решаемой автором, и ее новизны; 2) актуальности проблемы; 3) теоретической и практической значимости статьи; 4) соответствия или несоответствия положений и выводов автора современным научным концепциям, существующим в данной области исследования; 5) личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы; 6) оценки статьи с точки зрения языка, логики и стиля изложения материала, обоснованности и достоверности выводов и заключений.

Рецензентом дается заключение о целесообразности публикации конкретного материала.

Рецензент

ФИО, научное звание, должность

« ____ » _____ 20__ г.

_____ подпись, заверенная печатью